Русановъ

НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ АЛЕКСАНДРЪ III НИКОЛАЙ II

K. Tarassof. Alexandre III et Nicolas II.

НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ

АЛЕКСАНДРЪ III—НИКОЛАЙ II.

К. ТАРАСОВА.

Prix 50 cent.

Изданіе группы старыхъ народовольцевъ.

ЖЕНЕВА
Типографія группы.

Апрѣль 1895 г.

Изданіе группы старыхъ народовольцевъ.

K. Tarassof. Alexandre III et Nicolas II.

Prix 50 cent.

НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ ЦАРСТВОВАНІЙ (АЛЕКСАНДРЪ III—НИКОЛАЙ II).

ОГЛАВЛЕНІЕ: I. Первое Марта; начало прошлаго царствованія и характеристика первыхъ лѣтъ его. — II—V. Оцѣнка внутренней политики Александра III. — VI. Царская экономика. — VII. Внѣшняя политика.—VIII. Личность покойнаго царя.—IX. Николай II и первые его шаги; современное состояніе Россіи.

I

Смерть Александра III-го налагаетъ на насъ обязанность подвести итоги прошлому царствованію, а вступленіе на престолъ Николая II-го вызываетъ попытку отмѣтить первые шаги новаго самодержца. Такова двойная задача этой статьи. Александръ III вступилъ на престолъ въ пору небывалаго броженія. Шла борьба не на жизнь на смерть между самодержавіемъ и революціонерами. Половина Россіи была на военномъ положеніи. Имущество, честь, свобода, самая жизнь гражданъ, — все было принесено въ жертву интересамъ самодержца. И однако страхъ за будущее проникалъ даже въ среду царскихъ слугъ. Въ лагерѣ нашихъ такъ называемыхъ либераловъ на борьбу революціонеровъ смот-

рѣли въ общемъ сочувственно (я не говорю объ оттѣнкахъ) и, поругивая „безумныхъ фанатиковъ“ публично, восторгались „героическими борцами за свободу“ въ интимномъ кругу пріятелей. Да и среди рабочихъ уже загоралось сочувствіе къ тѣмъ, что̀ боролись за народную волю и народное счастіе. Съ другой стороны злоба передъ сильнымъ врагомъ и энергія отчаянія охватывали реакціонеровъ и сплачивали ихъ вокругъ опытныхъ „охранителей“ въ родѣ Каткова. Въ довершеніе картины, между реакціонерами и либералами была промежуточная, заключавшая въ себѣ нѣсколько оттѣнковъ группа народниковъ, или, вѣрнѣе, народолюбцевъ. Въ рядахъ своей крайней лѣвой она отрицала за интеллигенціей всякое право на политическую дѣятельность, потому-де что народъ, прирожденный федералистъ и чуть не анархистъ, занятъ лишь соціально-экономическими задачами: вспомните Юзова (Каблица) и вообще „Недѣлю“ конца 70-хъ годовъ. Въ рядахъ-же своей крайней, славянофильствующей, правой, умиляясь передъ величіемъ абстрактнаго народа, „всемужика“, она смотрѣла на каждаго живаго обывателя, какъ на вѣчное малое дитя, которому надобны помочи, непосредственныя ласки и непосредственные подзатыльники патріарха-царя: вспомните споръ о „средостѣніи“.

Среди этого-то пестраго и не привыкшаго къ политической борьбѣ общества и разорвалась бомба 1-го марта 1881 г. Сумбуръ получился удивительный: за исключеніемъ революціонеровъ, которые тутъ-же выставили свою программу въ письмѣ Исполнительнаго Комитета, да крайнихъ реакціонеровъ съ ихъ обычнымъ „тащить и не пущать“, никто не умѣлъ сказать, что̀ дѣлать и на что̀ надѣяться. И вотъ наше самодержавіе, вытолкнутое на время динамитными взрывами изъ отвѣсной линіи, покачалось нѣкоторое время направо и налѣво и затѣмъ пришло въ прежнее положеніе, все тяжелѣе и тяжелѣе опускаясь на злополучную страну.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ трагедіи на Екатерининскомъ каналѣ самодержавіе было наиболѣе склонно къ уступкамъ. Въ циркулярной депешѣ отъ 4-го марта Александръ III подписался подъ обѣщаніемъ „посвятить себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ“. Какъ видите, на первыхъ порахъ самодержавіе заговорило приблизительно человѣческимъ языкомъ. Но, увы, этихъ усилій не хватило и на два мѣсяца, и уже въ манифестѣ 29-го апрѣля вѣрноподданныхъ угостили традиціонной формулой византійства, чуть не цѣликомъ выдранной изъ пресловутаго обращенія къ сыну Константина Багрянороднаго: „Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержав-

ной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній".

Что-же произошло въ теченіе этихъ неполныхъ двухъ мѣсяцевъ? Произошло прежде всего то, что всѣ оттѣнки легальнаго общественнаго мнѣнія сошлись на одномъ тактическомъ пріемѣ: *громогласномъ* яростномъ обличеніи и *публичномъ* холопствованіи передъ прахомъ „Царя-Мученика". Я нарочно подчеркнулъ слова „громогласномъ" и „публичномъ": наединѣ многіе изъ кричавшихъ потирали руки, но вопль на стогнахъ и торжищахъ былъ во мнѣніи ихъ нуженъ для того, чтобы урвать хоть какую-нибудь реформу. Курьезнѣе всего при этомъ было то, что въ душѣ либералы разсчитывали на бомбы гораздо болѣе, чѣмъ сами народовольцы. Какъ-бы то ни было, большинство либераловъ въ печати, земствѣ, адвокатурѣ, университетѣ вторило реакціонной прессѣ въ походѣ на революціонеровъ. Отъ реакціонеровъ-то и нечего было ждать чего-нибудь другаго. Поставивъ во главу угла жизнь и цѣлость царя, — оплотъ ихъ собственнаго благополучія, — они очень скоро пришли на этомъ пути къ проектамъ, напоминавшимъ бредъ сумасшедшаго: говорилось о перенесеніи столицы изъ Петербурга въ Москву; рекомендовалось раздѣлить все столичное населеніе на небольшія группы взаимно-шпіонящихъ обывателей. Но и либералы свели въ высшей степени серьезный политическій вопросъ прежде всего къ спокойствію самодержца. Дѣлая болѣе или менѣе прозрачные намеки на конституцію, на „общеніе" царя съ землей русской, двѣ-три либеральныхъ передовицы да адресы полдюжины губернскихъ земскихъ собраній и нѣсколькихъ дворянскихъ выдвигали желанную конституцію главнымъ образомъ какъ орудіе для „уничтоженія смуты" или какъ нѣкое общество земскаго страхованія жизни царя.

Реакція при этомъ, конечно, не дремлетъ, разсуждая совершенно логически: если либералы, страха-ли ради іудейска, или въ видахъ тонкаго макіавелизма, увѣряютъ царя, что цѣлость его священной особы—основа ихъ политики, то царь долженъ пойти на встрѣчу этимъ увѣреніямъ и прежде всего позаботиться о себѣ и о сохраненіи своей божественной власти. Отсюда ихъ давленіе на Александра III, давленіе, поддерживаемое прошенными и непрошенными совѣтниками, которые устремляются съ разныхъ сторонъ на помощь растерявшемуся самодержавію. Вотъ московскій доктринеръ Чичеринъ, въ запискѣ, поданной Милютину, разноситъ „тѣхъ, которые вслѣдъ за катастрофой заговорили о свободныхъ учрежденіяхъ", разноситъ „земскія собранія", гдѣ „поднимается аграрный вопросъ, чрезвычайно опасный въ виду успѣховъ соціализма" и совѣтуетъ царю созвать земщину лишь для выработки мѣръ противъ крамолы. А вотъ питерскій „либеральный" профессоръ А. Д. Градовскій, въ запискѣ, врученной Лорисъ-Меликову, то приглашаетъ правительство выяснить причины смуты, то пугаетъ его „новой пугачевщиной", и даже, — не къ

реакціонной почи будь сказано,—„нашествіемъ иноплеменниковъ“. Изъ Парижа бывшій префектъ и всегдашній фигляръ Андріё совѣтуетъ царю заявить, что пока онъ не „покончитъ съ шайкой убійцъ, величающихъ себя политической партіей“, до тѣхъ поръ не можетъ думать о мирныхъ реформахъ и прогрессѣ; рекомендуетъ „уничтоженіе публичныхъ преній для убійцъ государя“ и „подкупъ нигилистовъ“. Наконецъ, изъ Берлина дѣдинька Василій Ѳедоровичъ (Вильгельмъ I) шлетъ конфиденціальное письмецо къ внучку Александру Александровичу, совѣтуя ему, если онъ будетъ вынужденъ на конституцію, не допустить во всякомъ случаѣ ни всеобщей подачи голосовъ, ни „вмѣшательства парламента въ политику“, ни „неограниченной свободы преподаванія и печати“!

А рядомъ шла нелѣпая политика Лорисъ-Меликова. Дѣло было, кажется, просто: разъ ему хотѣлось провести хотя-бы ту жалкую пародію на конституцію, которая осталась въ наслѣдіе отъ убитаго царя*), онъ долженъ былъ возможно скорѣе предать этотъ проектъ гласности и вызвать въ странѣ агитацію по этому вопросу, давъ понять царю, что за этими минимальными реформами стоитъ вся Россія. Но Лорисъ-Меликовъ лишь продолжалъ келейно убѣждать Александра III, что въ его проектѣ нѣтъ ничего опаснаго для самодержавія, и тѣмъ временемъ сыпалъ изданіямъ щедрой рукой предостереженія и разсылалъ въ редакціи конфиденціальные циркуляры насчетъ „неминуемаго пріостановленія“ всѣхъ тѣхъ органовъ печати, которые дозволятъ себѣ „вполнѣ неумѣстныя сужденія о необходимости измѣненія нашего государственнаго строя“. Т. е. затыкалъ ротъ какъ разъ тѣмъ, кто могъ-бы поддержать его, и какъ разъ за тѣ разсужденія, которыя именно были вполнѣ умѣстны въ виду отчаянной борьбы между конституціоналистами и реакціонерами, завязавшейся на ступенькахъ трона. Немудрено, что, создавъ насильственную тишину, въ которой безпрепятственно раздавались лишь завыванія волковъ да угуканья филиновъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“,

---

*) Пресловутый проектъ заключался въ созваніи временныхъ подготовительныхъ коммиссій, которыя разсматривали-бы разные вопросы, предлагаемые высшимъ правительствомъ, и передавали-бы ихъ на „совѣщательное разсмотрѣніе общей коммиссіи съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ“. Затѣмъ работы эти восходили бы къ Государственному Совѣту, а этотъ по своей волѣ могъ или принять ихъ въ разсчетъ, или положить подъ зеленое сукно. Эти и нѣкоторыя другія свѣдѣнія о послѣ-мартовской сумятицѣ мы заимствуемъ изъ довольно интересныхъ посмертныхъ бумагъ Лорисъ-Меликова, изданныхъ нѣкіимъ „другомъ“ его въ Фондѣ Вольной Русской Прессы подъ заглавіемъ: *Конституція графа Лорисъ-Меликова;* Лондонъ, 1893 г.

графъ уже черезъ два мѣсяца былъ оставленъ не у дѣлъ. Дѣйствительно, въ эти два мѣсяца Александръ III сначала было подмахнулъ на лорисъ-меликовскомъ докладѣ „весьма хорошо" и даже признался Владиміру послѣ засѣданія Совѣта министровъ 8-го марта, на которомъ большинство высказалось за проектъ: „съ плечъ точно гора свалилась". Но затѣмъ, подъ давленіемъ Каткова, Побѣдоносцева, Аксакова, издалъ знаменитый манифестъ о самодержавіи...

Итакъ Рубиконъ перейденъ, — тотъ Рубиконъ, что ни дать ни взять походилъ на грязную и тинистую рѣку московскихъ публицистовъ. Катковская клика грозила царю судьбой Людовика XVI, если онъ не согласится рѣшительно грести „противъ теченія", какъ и совѣтовалъ въ статьѣ „Русскаго Вѣстника" именно подъ этимъ заглавіемъ Варфоломей Кочневъ, т. е. г. Любимовъ. И однако еще въ теченіе цѣлаго года политика правительства, хотя и давшаго машинѣ задній ходъ, поражала своей неустойчивостью, метаньемъ изъ стороны въ сторону. Царь упорно отсиживался въ Гатчинскомъ дворцѣ отъ вѣрноподданныхъ подъ сѣнію „усиленной охраны" (указъ 14-го августа 1881 г.), а довѣренное лицо его, графъ Игнатьевъ, что ни день то принимался за новую затѣю. Власти нащупывали страну, то наскакивая на оппозицію, то отступая, сами, очевидно, еще не зная, удастся-ли имъ взять верхъ. Въ манифестѣ отъ 29-го апрѣля правительство говорило объ „истинѣ самодержавія". А въ циркулярѣ отъ 6-го мая новаго министра внутреннихъ дѣлъ оно обѣщало „принять безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній". Хотя дѣло шло теперь лишь объ „исполненіи" этихъ „предначертаній", правительство полагало нужнымъ пока говорить о „живомъ участіи мѣстныхъ дѣятелей". Рядомъ съ дворянскими привилегіями, циркуляръ торжественно обѣщалъ оставить неприкосновенными права земства и городскихъ сословій, сулилъ крестьянамъ облегченіе податей, улучшеніе ихъ общественнаго устройства и хозяйственнаго быта, говорилъ о необходимости пресѣкать хищеніе, „гдѣ-бы оно ни обнаруживалось", и косвенно заподозрѣвалъ въ хищеніи въ особенности „ближайшихъ слугъ государевыхъ". Иныя мѣста циркуляра показались-бы слишкомъ либеральными всего нѣсколько лѣтъ спустя, когда газетамъ давались предостереженія за простое упоминаніе „неприкосновенности правъ земства"!

Боясь наткнуться на дружный протестъ общества, правительство занялось „народной политикой", чтобы показнымъ радѣньемъ о народѣ задѣть чувствительную струну въ русской интеллигенціи и отвлечь ее отъ политической борьбы. Русскій самодержецъ подъ руками Игнатьева перелицовался въ „мужицкаго царя", народнаго диктатора, который потому и спряталъ папень-

кину конституцію подъ сукно, что рѣшилъ прежде всего заняться устроеніемъ блага народнаго внѣ контроля „парламентарныхъ болтуновъ".

Этой политикѣ помогли прежде всего въ извѣстной мѣрѣ еврейскіе погромы 1881-1882 г. Во первыхъ это было хорошимъ отвлеченіемъ для народныхъ массъ, взрыва которыхъ боялось въ ту пору правительство. Во вторыхъ, на отношеніи къ безпорядкамъ и произошелъ расколъ даже въ лучшей части интеллигенціи. Нововременцы держали сторону бунтовщиковъ, но не потому, что это былъ протестъ противъ эксплуататоровъ, а потому, что это было избіеніе „жидовъ". „Новости"-же взывали къ самымъ драконовскимъ мѣрамъ противъ мятежниковъ на томъ основаніи, что это было возстаніе анархическихъ элементовъ противъ „священной собственности". Въ томъ-же духѣ вопіялъ и „Голосъ", совѣтуя „не разнуздывать звѣря": звѣремъ былъ русскій народъ. Но революціонной интеллигенціи одинаково претило взять какую-нибудь сторону въ этой полемикѣ: бить съ „Новымъ Временемъ" евреевъ или разстрѣливать съ „Новостями" мятежниковъ, осмѣливавшихся аттаковать „принципъ капитала и цивилизаціи". Въ Одессѣ, въ Новомосковскѣ народъ разносилъ не только евреевъ, но и православныхъ кулаковъ. Въ Балтѣ среди бунтовщиковъ слышались такія рѣчи: „жидами позавтракаемъ, помѣщиками пообѣдаемъ, а поповъ — на ужинъ". Иные революціонеры возлагали даже надежды на эти бунты въ смыслѣ пробужденія народа. Съ другой стороны, погромы вызвали совершенно естественно національное чувство между многими революціонерами-евреями и отбросили ихъ далеко вправо. Это былъ первый разладъ среди интеллигенціи и ея революціоннаго авангарда и, стало быть, ослабленіе оппозиціи.

„Народная политика" скоро создала замѣшательство еще болѣе опасное. Она сбила прежде всего съ толку ту промежуточную группу народниковъ, которая заключала въ себѣ цѣлый спектръ линій, начиная отъ краснаго народничества прежнихъ бунтарей и вплоть до фіолетоваго народничества славянофиловъ, но сходилась на одномъ: отрицаніи политической борьбы съ самодержавіемъ. А вскорѣ это безразличное отношеніе къ политическимъ „оболочкамъ" распространилось, словно масляное пятно, и на значительную часть интеллигенціи. Несмотря на грубость своихъ декорацій, неловкость своихъ актеровъ, правительство успѣло выдать свой водевиль съ переодѣваньями за настоящую дѣятельность на пользу народную. Образованіемъ пресловутой „коммиссіи свѣдущихъ людей" правительство достигло сразу нѣсколькихъ результатовъ. Во первыхъ, это была какъ будто и уступка обществу, которое желало „единенія съ властью" помимо бюрократическаго „средостѣнія", нѣчто въ родѣ лорисъ-меликовской совѣщательной конституціи, но подъ соусомъ изъ аксаковщины. Во вторыхъ, это было наилучшее дискредитированіе „общества"

и, стало быть, косвенное доказательство необходимости какъ разъ нелюбимаго „Русью“ средостѣнія: загнанная въ колодки „неотступленія отъ предмета“, коммиссія кончила такимъ позорнымъ фіаско, что даже такой умѣренный писатель, какъ Леруа-Больё, принужденъ назвать ее „маленькимъ парламентомъ, пренія и компетенція котораго не шли далѣе стѣнъ кабака“*)...

Вообще въ это время хаосъ въ умахъ достигъ уже значительныхъ размѣровъ. Я не буду говорить о „Новомъ Времени“, которое навзрыдъ рыдало о бѣдномъ мужичкѣ, увѣряя, что какъ только интеллигенція сладко вытянется на „златой кровати конституціи“, бѣдному простолюдину придется платить гораздо больше, чѣмъ онъ платитъ доброму царю-батюшкѣ. Но самозакланіе интеллигенціи въ пользу (мнимую, конечно) народа находило себѣ порой защитниковъ и въ такихъ органахъ, которыхъ ужъ, конечно, нельзя было заподозрить въ любви къ правительству. Кто не помнитъ, какого шуму надѣлала проскользнувшая въ концѣ 1881 г. въ „Дѣлѣ“ очень искренняя и очень наивная статья Б. Ленскаго „Интеллигенція, народъ, буржуазія“, гдѣ политическая свобода ставилась на одну доску съ желѣзной дорогой, по которой ѣдетъ нашъ братъ интеллигентъ, а мужикъ только смотритъ, бредя тутъ-же по тропинкѣ съ сапогами на палкѣ за спиной...

Итакъ, правительство отдохнуло мало-по-малу отъ жалкаго страха, въ которомъ находилось въ теченіе года. Реакціонерамъ уже нечего было рядиться въ напрокатъ взятыя лохмотья „меньшаго брата“. Политика безсистемнаго и шумнаго кувырканья должна была уступить мѣсто системѣ и зажиму. Игнатьевъ былъ лишь Предтечей, возвѣщавшимъ пришествіе настоящаго Спасителя самодержавія... Мессія явился: то былъ—графъ Толстой, еще такъ недавно прокаченный на вороныхъ рязанскимъ земствомъ, сожженный, казалось, вконецъ либеральными перунами и снова возрождавшійся изъ пепла. 9-го іюня 1882 царь отблагодарилъ Игнатьева, но первое время по отставкѣ его настоящая творческая дѣятельность Толстаго еще не начиналась. Надо было еще разрушать крамолу и красному террору противоставлять бѣлый. Настоящая „органическая“ политика правительства началась приблизительно только съ 1884 г., когда либералы дали самодержавію раздавить боровшуюся съ нимъ революціонную партію, безучастно относясь къ этой борьбѣ и надѣясь получить отъ царя реформы при помощи ужасно-хитраго приписыванія ему разныхъ либеральныхъ плановъ. Тогда правительство увидѣло, что ему нечего бояться и принялось по своему за „увѣнчаніе зданія“ реформъ... начавъ разрушать его съ самаго основанія.

---

*) A. Leroy-Beaulieu, „L'Empire des Tsars et les Russes“; Paris, t. II, 3-ème éd. 1893, p. 225.

II

Законодательныя дѣянія царя въ области внутренней политики укладываются въ четыре категоріи. Одни направлены противъ проявленій личнаго убѣжденія и общественнаго мнѣнія: это—гоненія на печать, на науку, на свѣтское образованіе, на гласность судопроизводства, на свободное религіозное чувство. Другія связываютъ по рукамъ и ногамъ дѣятельность общества и отдаютъ судьбу народа въ полное распоряженіе самодержавія: это—ограниченія суда присяжныхъ и ломка мировыхъ учрежденій; съуженіе и безъ того уже узкой сферы земскаго и городскаго самоуправленія. Къ тѣмъ и другимъ принадлежатъ расовыя гоненія на евреевъ, поляковъ, нѣмцевъ, и пр. Третьи ставятъ народъ въ искуственно-создаваемыя условія неравенства и зависимости отъ привелигированныхъ классовъ, главнымъ образомъ дворянства: это — созданіе земскихъ начальниковъ; это — образовательныя ограниченія для дѣтей неимущихъ классовъ. Четвертыя, касаются, наконецъ, „экономической политики“: это — грабежъ народа казначействомъ, его порабощеніе интересамъ благороднаго сословія въ земледѣліи и интересамъ крупныхъ капиталистовъ въ индустріи.

Итакъ первая категорія. Свое восшествіе на тронъ реакціонной диктатуры Толстой ознаменовалъ гоненіемъ на прессу. Казалось, трудно было идти далѣе въ этомъ направленіи. Законъ 1865 года, надѣвавшій такой прочный намордникъ на печать, былъ уже видоизмѣненъ еще болѣе суровымъ закономъ 1872 г., по которому участь задержанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ книгъ и журналовъ стала зависѣть не отъ 1-го департамента Сената, какъ прежде, а отъ комитета министровъ. Съ другой стороны, начиная съ злополучнаго закрытія „Москвы“ въ 1869 г., запрещеніе газеты обусловливалось лишь испрошеніемъ со стороны министра особаго высочайшаго повелѣнія. Но и этого Толстому показалось мало: 29 августа 1882 г. новый министръ издалъ „временныя“ правила, благополучно дѣйствующія до сихъ поръ. По этимъ правиламъ, пріостановка и прекращеніе изданій ввѣряется „высшей коммиссіи“ изъ четырехъ министровъ. Изданіе, пріостановленное послѣ трехъ предостереженій, при возобновленіи подчиняется предварительной цензурѣ. Наконецъ, отъ коммиссіи зависитъ запрещеніе редакторамъ и издателямъ прекращеннаго органа заниматься впредь этой дѣятельностью. Прежде это тяжкое ограниченіе права гражданина жить своимъ трудомъ могло быть наложено лишь по суду и не больше какъ на 5 лѣтъ (ст. 1046 Улож. о наказ.): теперь его налагала администрація, —если хотѣла, на всю жизнь.

Какъ Толстой воспользовался „временными правилами“, о томъ свидѣтельствуетъ длинный списокъ полегшихъ подъ напоромъ реакціонной бури газетъ и журналовъ. Рука этого неумолимаго Макара-гасильника не остановилась передъ закрытіемъ даже такого замѣчательнаго памятника русской мысли и искуства, какъ „Отечественныя Записки“. 5-го января 1884 г. появились опять таки „временныя“ правила объ изъятіи цѣлаго ряда книгъ изъ публичныхъ библіотекъ. Списокъ этотъ пополнялся нѣсколько разъ и въ послѣдніе годы царствованія Александра III былъ разосланъ въ видѣ конфиденціальной инструкціи библіотекарямъ съ обязательствомъ не показывать его абонентамъ, а объяснять невыдачу неимѣніемъ этихъ книгъ въ библіотекѣ. Просматривая 153 названія запретныхъ твореній, сплошь и рядомъ натыкаешься на самые грандіозные курьезы: такъ запрещены всѣ или нѣкоторыя сочиненія Бурже, Лѣскова(!), Михневича, Суворина(!!).

Гоненіе на свѣтское образованіе было другимъ козыремъ въ реакціонной игрѣ правительства. Закономъ 13-го іюня 1884 года была создана „новая“ церковно-приходская школа, съ цѣлью противодѣйствовать хоть и опекаемой попами и подлежащей наблюденію чиновниковъ-доносчиковъ, но все-же свѣтской школѣ, — земской или министерской. Поповская школа существовала, собственно говоря, и раньше: когда устраивались земства, имъ пришлось на первыхъ-же порахъ познакомиться со старой церковно-приходской школой, и вотъ тогда-то и обнаружилось, что не только эти школы часослова и долбежки были настоящей сточной ямой допотопныхъ педагогическихъ пріемовъ вплоть до истязанія учениковъ, но что и большинство ихъ значилось лишь на бумагѣ, такъ какъ честные іереи не столько прилежали обученію ребятъ, сколько охотились по приходу за яйцами, пирогами и холстами. Немудрено, что Александръ III занялся реставраціей этого милаго учрежденія. Трехлѣтній и четырехлѣтній курсъ министерской и земской школы былъ сокращенъ въ одноклассной церковной школѣ до двухъ лѣтъ или, собственно, до четырнадцати мѣсяцевъ, но за то дано обѣщаніе „проникнуть весь курсъ однимъ религіозно-нравственнымъ элементомъ“. Наперли на славянскій языкъ и церковное пѣніе въ ущербъ русской грамотѣ, письму и счету. Уничтожили всякую повѣрку преподаванія, такъ какъ священники или лица, занимающіяся въ школахъ подъ ихъ „руководствомъ“, не подлежатъ ни контролю уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, ни правительственной инспекціи, а лишь чисто-формальному наблюденію такихъ-же священниковъ. Ассигновавъ на церковныя школы извѣстныя суммы изъ скуднаго бюджета народнаго просвѣщенія, тѣмъ самымъ уменьшили средства свѣтской школы, производя при этомъ на земства и крестьянскія общества усиленное давленіе съ цѣлью превратить начальныя школы въ поповскія. Наконецъ пытались было совсѣмъ упразднить свѣтскую школу: мнѣніе государственнаго совѣта,

высочайше утвержденное 12-го мая 1887 г., задавало оберъ-прокурору Синода и министру народнаго просвѣщенія вопросъ, „не представится-ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ“, — читай: духовномъ! И если почему-либо правительство не осуществило этого блестящаго плана, такъ лишь потому, что само испугалось быстро обнаружившихся невѣжества и лѣности поповъ. Чего стоятъ хотя-бы тѣ по истинѣ водевильные факты, которые сообщаетъ самъ-же оберъ-прокуроръ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ (за 1890 годъ), въ родѣ того, напр., что въ подольской епархіи учителя церковныхъ школъ пускались въ бѣга при приближеніи архіерейской, значитъ своей-же ревизіи, а другіе прятались въ сокровенныя мѣста изобрѣтательными іереями! Осенью 1894 года „Гражданинъ“ устами нѣкоего „священника“ снялъ послѣднія свѣтлыя ризы съ поповской школы: по его словамъ, школа эта не можетъ быть „прелюбезной“ для священника, который создаетъ лишь школу „фиктивную“; самъ онъ занятъ требами, дьяконъ тоже,—и приходится ввѣрять обученіе разнымъ „неудачникамъ“, исключеннымъ изъ духовныхъ училищъ, которые смотрятъ на свою дѣятельность лишь какъ на „укрывательство отъ солдатчины“!...

Двумя мѣсяцами позже похода противъ народной школы правительство открыло не менѣе рѣшительную кампанію противъ высшей школы: университетскій уставъ 1863 г., не богъ знаетъ какой либеральный, былъ замѣненъ драконовскимъ уставомъ 23 августа 1884 г. Выборное начало было старательно повытравлено. Прежде ректоръ избирался университетскимъ совѣтомъ: теперь онъ „избирается министромъ народнаго просвѣщенія и назначается высочайшимъ приказомъ“. Прежде деканъ избирался факультетомъ: теперь онъ „избирается попечителемъ учебнаго округа и утверждается въ должности министромъ“. Прежде избраніе профессоровъ принадлежало самому университету: теперь же „при открывшейся вакансіи профессора министръ или замѣщаетъ ее по собственному усмотрѣнію лицемъ, удовлетворяющимъ указаннымъ въ законѣ условіямъ, или предоставляетъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе“. Вмѣсто выборнаго начала черезъ весь уставъ проходитъ красной нитью принципъ служебной іерархіи и чисто-казарменной дисциплины. По прежнему уставу университетъ ввѣрялся попечителю учебнаго округа: по новому, университетъ подчиняется „начальству“ попечителя, который получаетъ право наблюдать за преподаваніемъ, созывать совѣтъ, давать ректору обязательныя инструкціи для надзора за студентами. Подъ генераломъ-попечителемъ первую ступень въ учебной арміи занимаетъ отецъ-командиръ, ректоръ, который прежде сообщалъ о неисправности профессоровъ совѣту или попечителю, а теперь уполномоченъ дѣлать самъ преподавателямъ указанія и

даже замѣчанія. За симъ слѣдуютъ фельдфебели-профессора, которымъ, въ виду заведенныхъ для студентовъ государственныхъ испытаній, приходится рабски слѣдовать не ими сочиненной программѣ. Наконецъ, совсѣмъ у основанія этой хитроумной пирамиды положена сѣрая масса солдатъ-студентовъ. И надъ всей этой лѣствицей надзирающихъ и обучающихъ чиновъ паритъ, теряясь въ административныхъ облакахъ, саваофъ-министръ.

Соотвѣтственно съ этимъ происходитъ и ученье. . . . настоящее солдатское ученье съ своего рода умственными разводами и смотрами. Таковы—государственные экзамены, которые, въ отличіе отъ прежнихъ выпускныхъ, производятся особыми коммиссіями „при университетѣ", при чемъ министръ назначаетъ предсѣдателя и членовъ коммиссіи, ничѣмъ не стѣсняясь въ выборѣ. Таковъ — рядъ испытаній, которымъ студентъ подвергается на каждомъ шагу: испытанія состязательныя на стипендіи, полукурсовыя для студентовъ-медиковъ, повѣрочныя для зачета полугодій; если студенту не зачтено три полугодія сряду или пять вообще, онъ увольняется. Присоедините къ этому холопскій духъ, проникающій программы преподаванія, выработанныя министромъ. Такъ, напр., при преподаваніи русской исторіи рекомендуется профессору доказывать примѣрами прошлаго „истинность и значеніе самодержавія". Невольно взоръ обращается назадъ, на чугунную фигуру Николая I-го, отдавшаго въ 1841 г. приказъ по этнографической наукѣ признать за „истину" совершенное тождество трехъ отраслей русскаго племени, — очевидно, въ пику малорусскому и бѣлорусскому сепаратизму... Прибавьте наконецъ правила о порядкѣ, обязательномъ для студентовъ въ зданіяхъ университета, о формѣ и пр., и вы поймете, что опекаемое со всѣхъ сторонъ бородатое дитя направляется всѣмъ складомъ вещей не къ наукѣ, а къ карьерѣ. Этотъ характеръ студенчества начинаетъ измѣняться къ лучшему лишь за послѣдніе три-четыре года подъ вліяніемъ усиливающейся революціонной оппозиціи, и университетскіе безпорядки, которые непрерывно слѣдуютъ одни за другими въ новое царствованіе, достаточно подтверждаютъ это. Во всякомъ случаѣ даже и среди симпатичныхъ въ общемъ юношей теперь попадается довольно часто разновидность, въ былое время очень рѣдкая: образованныхъ студентовъ, которые восхищаются во французскомъ подлинникѣ рѣчами соціалиста Жореса и въ то-же время пудрятся, подкладываютъ себѣ въ мундиры вату, чтобы выглядѣть показнѣе, и, словно павлины, распускаютъ шлейфы своихъ знаменитыхъ „николаевокъ"...

Закономъ 12 февраля 1887 года правительство накинулось на гласное судопроизводство. Закрытіе дверей было распространено на цѣлый рядъ дѣлъ, для которыхъ это прежде не было обязательно, а зависѣло отъ усмотрѣнія суда. Въ то время, наприм., какъ раньше закрытіе дверей практиковалось лишь при богоху-

леніи, теперь подъ эту категорію подведены всѣ дѣла объ „отступленіи отъ вѣры“, о ересяхъ и расколахъ: словомъ, теперь былъ устроенъ своего рода юридическій застѣнокъ или Преображенскій приказъ для раскольниковъ, гдѣ пытали ихъ во времена страшной памяти Петра. Преступленія противъ „союза семейственнаго“, женской чести и пр. должны теперь разсматриваться обязательно при закрытыхъ дверяхъ, хотя-бы, наприм., вопросъ шелъ о простой констатировкѣ двоеженства. Мало того, суду предоставляется право закрыть двери по любому дѣлу, и не входящему въ упомянутыя категоріи, если онъ найдетъ это нужнымъ „въ видахъ огражденія достоинства государственной власти и пр.“ (см. ст. 620,3). Наконецъ, законъ блистательно завершается правомъ, даннымъ министру, устранять публичность разбирательства, не дожидаясь постановленія самого суда, а лишь на основаніи „дошедшихъ до министра свѣдѣній“, — наприм. пакета „со вложеніемъ“ отъ денежнаго или сіятельнаго мошенника, который боится гласнаго разбирательства.

Къ гоненіямъ на печать, школу, науку, гласность суда вполнѣ логически примыкаетъ гоненіе на свободное религіозное чувство. И что всего болѣе поражаетъ въ этой политикѣ, это невозмутимый цинизмъ нашихъ властей, увѣряющихъ, будто въ свѣтѣ нѣтъ такой вѣротерпимости, какъ въ Россіи. „Нигдѣ въ Европѣ, такъ заключалъ оберъ-прокуроръ Синода свой отчетъ за 1888-1889 гг. (вышедшій въ 1892), — нигдѣ въ Европѣ инославныя исповѣданія не пользуются столь широкой свободой, какъ посреди русскаго народа“. Конечно, „посреди русскаго народа“ очень мало фанатиковъ. Но вѣдь не самъ русскій народъ распоряжается своей судьбой, а правительство, которое угнетаетъ всякое религіозное убѣжденіе, кромѣ патентованнаго православія. Вспомните письмо Побѣдоносцева къ Навилю, предсѣдателю швейцарскаго комитета Евангельскаго Союза: „Россія никогда не дозволитъ отнимать у православной церкви ея сыновъ, съ цѣлью завербовать ихъ въ иностранныя исповѣданія. Она открыто объявляетъ это въ своихъ законахъ“ (Journal de Saint-Pétersbourg, 1888), — и набожный мучитель аппелируетъ къ суду божію на томъ свѣтѣ, который, молъ, покажетъ, что онъ, Побѣдоносцевъ, правъ.

Въ сущности все прошлое царствованіе является нескончаемымъ рядомъ гоненій на католиковъ, протестантовъ и особенно раціоналистическія секты. Еще въ 1884 г. правительство декретировало „строжайшее преслѣдованіе виновныхъ какъ въ распространеніи штундизма, такъ и въ привлеченіи къ оному лицъ православнаго исповѣданія, посредствомъ проповѣди или иными способами“. Въ 1889 г. эти мѣры „кротости“ были признаны недостаточными, и оберъ-прокуроръ Синода обратился къ министру вн. дѣлъ съ просьбой, „чтобы со стороны гражданской власти было оказываемо духовенству содѣйствіе въ его дѣятельности къ ослабленію штундизма“; и министръ отдалъ приказъ губернаторамъ

„чтобы всѣми зависящими отъ нихъ способами оказывалось православному духовенству полное содѣйствіе и возможная помощь въ его дѣятельности къ ослабленію и прекращенію вреднаго лжеученія". А 24-го ноября 1894 г., значитъ уже при новомъ императорѣ, былъ опубликованъ оставшійся въ наслѣдіе отъ батюшки циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3-го сентября, „коимъ секта штунды объявлена одной изъ наиболѣе вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ, съ воспрещеніемъ штундистскихъ общественныхъ молитвенныхъ собраній".

Пріемы насильственной руссификаціи Прибалтійскаго края включали въ себѣ и строжайшее преслѣдованіе лютеранской пропаганды. Въ 1885 г. Александръ Ш возстановилъ варварскіе законы Николая I-го о смѣшанныхъ бракахъ между протестантами и православными. Въ 1887 лифляндскій губернаторъ Зиновьевъ напомнилъ населенію губерніи, что, по силѣ возстановленныхъ законовъ, кто изъ занесенныхъ въ списки православныхъ родителей осмѣлится воспитывать своихъ дѣтей въ лютеранствѣ, тому грозятъ тюрьма и разлученіе съ дѣтьми. А пасторы, ведущіе ту самую религіозную пропаганду, которая правительствомъ вмѣняется въ долгъ православнымъ попамъ, подлежатъ самымъ строгимъ взысканіямъ. И дѣйствительно, рядъ скандальныхъ административныхъ высылокъ пасторовъ въ Сибирь, особенно усиливавшихся съ 1889 г., надѣлалъ шума по всей Европѣ.

Не менѣе свирѣпствовали православные іезуиты и среди католиковъ и уніатовъ. Припомните хотя бы то чисто-военное „присоединеніе къ православной церкви" уніатовъ западнаго края, которое было подготовлено распоряженіями 1885-1886 гг. и съ такой помпой отпраздновано предержащими въ 1888 году, когда Александръ Ш явился въ Холмскій соборъ и былъ встрѣченъ знаменитой полицейско-религіозной рѣчью архіепископа Леонтія. Но недурно обращались и съ чистыми католиками. Еще не забыто закрытіе чешскихъ приходовъ въ Волынской губерніи въ апрѣлѣ 1888 г., которое заключалось въ томъ, что власти нашли трехъ чешскихъ поповъ, заявившихъ о своемъ желаніи перейти въ православіе, сбросившихъ рясу и награжденныхъ учительскими каѳедрами въ гимназіяхъ и пожизненной пенсіей; а бывшіе прихожане были признаны тѣмъ самымъ осіянными свѣтомъ каѳолическія церкви. А возмутительная инквизиція, продѣланная синодомъ въ 1890 году надъ поляками села Орлова (Люблинской губ.), при помощи православныхъ священниковъ, которымъ было приказано „произвести — для розысканія потомковъ бывшихъ орловскихъ прихожанъ, незаконно совращенныхъ въ латинство — точное и обстоятельное разслѣдованіе въ книгахъ сосѣднихъ съ Орловымъ приходовъ, равно въ архивахъ правительственныхъ учрежденій, о всѣхъ лицахъ греко уніатскаго исповѣданія, перешедшихъ въ латинство въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ(!)". И результатъ — почти поголовное насильственное присоединеніе къ

православію жителей Орлова, которые, въ теченіе чуть не трехъ поколѣній, были несомнѣнными католиками! Этими постоянными драгонадами и объясняются религіозные бунты, въ особенности на Литвѣ, за послѣдніе три-четыре года.

Единственно кому сравнительно благоволилъ Александръ III изъ „неправо вѣрующихъ“, это раскольникамъ-поповцамъ, которымъ позволено было (по указу 3-го мая 1883 и мая-же 1884 г.) занимать общественныя должности, записываться въ гильдіи, получать отличія и устраивать молельни, при чемъ все таки всякія публичныя церемоніи — крестные ходы и даже похороны съ попами — имъ запрещены. Но вѣдь это — наименѣе интересная категорія между раскольниками. Вліятельными лицами въ ней являются купцы-толстосумы, которые и безъ того успѣвали добиваться разныхъ послабленій и даже отличій, тѣмъ что, скрѣпя сердце, жертвовали на колокола съ малиновымъ звономъ для „никоніанскихъ“ церквей да презентовали тысячныя брошки помпадурскимъ душенькамъ...

III

Теперь о гоненіяхъ національныхъ и расовыхъ. Горше всего отъ Александра III пришлось потерпѣть евреямъ. Надо-ли говорить, что, подобно зажигательному стеклу, еврей-торговецъ, еврей-эксплуататоръ лишь концентрируетъ лучи эксплуатаціи, которые разсѣяны по всему теперешнему обществу? Еще въ 1844 г. Марксъ писалъ: „Въ чемъ заключается свѣтское (т. е. не-религіозное) основаніе жидовства? Въ практической потребности, въ своекорыстіи. Жидовство достигаетъ своей высшей точки зрѣнія лишь съ окончательнымъ развитіемъ буржуазнаго общества, принципомъ котораго и является какъ разъ эта чисто-практическая потребность, эгоизмъ; но буржуазное общество окончательно развивается лишь въ христіанскомъ мірѣ. Не въ Пятикнижіи и не въ Талмудѣ, а въ современномъ обществѣ мы открываемъ сущность теперешняго жида, и не только какъ заскорузлость самого жида, но и какъ жидовскую заскорузлость всего общества. Химерическая національность жида есть не болѣе не менѣе какъ національность купца и вообще денежнаго человѣка“ (Zur Judenfrage; въ Deutsch-Französische Jahrbücher). Можно понять, можно простить, горько сожалѣя о нищетѣ и невѣжествѣ народа, неорганизованный дикій взрывъ его противъ евреевъ, среди ко-

торыхъ онъ не замѣчаетъ большинства такихъ-же, какъ самъ онъ, обездоленныхъ бѣдняковъ. Но что сказать о холодномъ систематическомъ преслѣдованіи цѣлой національности правительствомъ великой страны, которое претендуетъ на званіе просвѣщеннаго, которое противоставляетъ свою „мудрость“ неяснымъ стремленіямъ и аффектамъ толпы?

Въ 1882 г. было запрещено евреямъ снимать въ аренду земли (покупать имъ было запрещено уже въ 1864 г.) и даже селиться въ деревнѣ, т. е., значитъ, само правительство закрывало имъ возможность заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ торговли, городскаго ремесла и эксплуатаціи. Въ 1886 г., министръ народнаго просвѣщенія издалъ распоряженіе, по которому университеты не должны нигдѣ принимать болѣе 10% евреевъ, а въ столицахъ максимумъ былъ опредѣленъ лишь въ 2%. Въ 1887 эта мѣра съ еще большею строгостью была распространена на гимназіи. И евреевъ упрекаютъ въ томъ, что они не достаточно проникаются русской цивилизаціей, а тянутъ къ кагалу! По новому городскому положенію, евреи устраняются отъ должностей по городскому управленію и отъ участія въ выборахъ; они лишь допускаются въ число гласныхъ не по выбору, а по назначенію, и при томъ ни въ какомъ случаѣ не свыше одной пятой общаго состава думы. Еще раньше, у нихъ были отняты избирательныя права и въ „преобразованномъ“ земствѣ. Для поступленія въ ряды присяжной адвокатуры имъ надо особое разрѣшеніе министра юстиціи (высоч. повелѣніе 8-го ноября 1889 г.)*), и преподавательская, медицинская и пр. дѣятельность чуть-чуть имъ совсѣмъ не закрыта, по крайней мѣрѣ фактически. Припомните наконецъ рядъ жесточайшихъ высылокъ. Такъ въ 1881 г., правительство чуть не въ 24 часа согнало съ насиженныхъ мѣстъ въ Волыни массу евреевъ, которые постепенно расселялись на пограничной полосѣ благодаря тому, что сами-же власти въ теченіе долгаго времени не примѣняли къ жизни нелѣпый законъ 1858 г., запрещавшій евреямъ селиться ближе 50 верстъ къ прусской и австрійской границамъ. Послѣ еврейскихъ безпорядковъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра III-го, администрація выслала изъ Кіева, Орла, Москвы (отсюда еще вторично въ 1891 году) десятки тысячъ евреевъ, присутствіе которыхъ она терпѣла годами. Въ 1888 г., евреямъ было вмѣнено въ обязанность возвратиться въ тѣ мѣста, гдѣ они проживали до 3-го мая 1882 года, и почти полтора милліона несчастныхъ принуждены были оставить родное гнѣздо, занятія, раззоряясь сами

---

*) Ни одинъ еврей не былъ принятъ въ присяжные повѣренные послѣ 1889 г., какъ видно изъ доклада г. Куперника Одесскому юридическ. обществу. См. приложеніе къ № 17 „Летучаго Листка“, издаваемаго въ Лондонѣ. Настоящая статья была уже написана, когда я получилъ этотъ докладъ

и раззоряя христіанское населеніе, среди котораго они жили и съ которымъ его связывали нити различныхъ интересовъ.

Въ остзейскомъ краѣ руссификація рядилась въ демократическій плащъ уничтоженія феодальныхъ учрежденій. Конечно, плакать о разныхъ средневѣковыхъ гоф-, манн- и обер- герихтахъ нечего. Но на мѣсто этихъ сословныхъ судовъ и администраціи русское правительство поставило шемякинъ судъ и административный произволъ чиновниковъ, которые стали распоряжаться полиціей, школой и юстиціей (законы 9-го іюня 1888 г. и 9-го іюля 1889 года). Демократическое наше правительство замѣнило судъ присяжныхъ судомъ коронным, но сохранило вотчинную полицію гг. бароновъ и графовъ. Точно такъ-же и гоненіе на нѣмецкую школу и нѣмецкій языкъ было открыто подъ предлогомъ освободить эстовъ и латышей отъ остзейскаго гнета. Но вся реформа свелась къ тому, что бѣдные туземные языки едва-едва пріютились въ судахъ крестьянскихъ, тогда какъ русскій былъ сдѣланъ обязательнымъ для переписки въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ (1885—1887 гг.), а вскорѣ (1889 г.) и для устныхъ сообщеній, касающихся администраціи. Русскій-же языкъ былъ введенъ въ дерптскій университетъ, котораго по попутности лишили самоуправленія (декабрь 1889 г.), а затѣмъ и въ гимназіи. Самый Дерптъ былъ перекрещенъ въ Юрьевъ, а Динабургъ сдѣлался съ благословенія божія Двинскомъ.

Въ губерніяхъ Привислянскихъ и западномъ краѣ политика зажима заключалась, сверхъ религіозныхъ притѣсненій, въ еще большихъ стѣсненіяхъ польскаго языка, который былъ изгнанъ изъ народныхъ школъ въ 1885 г.; въ запрещеніи полякамъ покупать недвижимую собственность на Литвѣ и въ Волыни (указъ 27-го декабря 1884 г.) и продавать земли иностранцамъ, которые были лишены права пріобрѣтать земли не только куплей-продажей, но и по наслѣдству (указъ 14-го марта 1887 г.); въ насильственномъ перемѣщеніи польскихъ служащихъ на западныхъ дорогахъ во внутрь Россіи (1892 г.), и т. д. И если почему этотъ гнетъ не столь рѣзко выразился, какъ „войны за просвѣщеніе“ въ остзейскомъ краѣ, такъ лишь потому, что въ Польшѣ система ежовыхъ рукавицъ перешла въ наслѣдство отъ Александра II-го къ Александру III-му.

Расправлялъ было когти двуглавый орелъ и надъ Финляндіей. Но жители ея, привыкшіе къ политической жизни, встали какъ одинъ человѣкъ на защиту конституціи. Страна покрылась многочисленными митингами (1890-1891 гг.), на которыхъ ораторы и ораторши, порою „простыя бонны и кухарки“, какъ жаловалась наша охранительная печать, призывали гражданъ сложить голову за финляндскую конституцію. Дѣлать было нечего: Александръ III вынужденъ былъ взывать къ „здравому смыслу финляндцевъ“, увѣряя ихъ (14-го мая 1891 г.), что онъ и не думаетъ посягать на ихъ конституцію, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать внушеніе усерднымъ

не по разуму патріотическимъ органамъ. „Новое Время", которое походя ругало „чухонцевъ" и „чухонскіе порядки", прибѣгло теперь къ шутовскому извиненію, обращая вниманіе финляндцевъ на то, что на свѣтѣ есть и очень хорошія вещи, имѣющія такой эпитетъ: напр., „чухонское масло". Александръ III успѣлъ пока сдѣлать лишь нѣсколько брешей въ финляндской конституціи манифестомъ о подчиненіи финляндской почты законамъ Имперіи (31-го мая 1890 года), указомъ объ обязательномъ пріемѣ русскихъ кредитокъ, о русскомъ языкѣ на желѣзныхъ дорогахъ и пр.

IV

Ко второй категоріи „реформъ" Александра III-го относятся ограниченія суда и состава присяжныхъ и мировыхъ учрежденій; дальнѣйшее калеченье земскаго и городскаго самоуправленія.

Законъ 28-го апрѣля 1887 г. измѣнилъ основанія для составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей. Прежде въ списки эти вносились лица, владѣвшія не менѣе 100 десятинъ, а теперь всякій, кто участвуетъ на съѣздѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, т. е. владѣлецъ $^1/_{20}$ земскаго ценза данной мѣстности, или 10—40 десятинъ. Конечно, противъ этого пониженія ценза, или даже отмѣны его, мы ничего не имѣли-бы. Но, рядомъ съ расширеніемъ правъ землевладѣльцевъ, законъ съуживалъ ихъ для людей, живущихъ доходомъ или вознагражденіемъ за трудъ. Прежде всякій, кто имѣлъ дохода, заработка или жалованья на общественной и государственной службѣ не менѣе 500 рублей въ годъ въ столицахъ и 200 рублей въ прочихъ мѣстностяхъ, былъ присяжнымъ: теперь лишь тѣ лица, которыя получаютъ не менѣе 1000 руб. въ столицахъ, не менѣе 600 руб. въ городахъ съ населеніемъ, превышающимъ 100000 жителей, не менѣе 400 рублей въ прочихъ мѣстностяхъ. Мало оплачиваемые чиновники, служащіе, учителя уѣздныхъ училищъ, бухгалтеры уѣздныхъ земскихъ управъ, фельдшера, — всѣ эти люди, нерѣдко вполнѣ порядочные и образованные, выбрасываются такимъ образомъ изъ списковъ; а туда попадаютъ разные невѣжественные грабители, кабатчики и сельскіе ростовщики, владѣющіе 10—40 десятинами. Непремѣнное требованіе отъ присяжныхъ умѣнья читать по русски имѣетъ въ виду тоже цѣль реакціонную: притѣснить инородца или вышвырнуть изъ суда держимаго самимъ-же правительствомъ въ невѣжествѣ мужика.

Измѣненіе состава присяжныхъ не измѣнило недовѣрія правительства къ „суду улицы“. По закону 7-го іюля 1889 г., цѣлыхъ три группы преступленій были изъяты изъ компетенціи присяжныхъ и отданы на рѣшеніе судебныхъ палатъ съ сословными представителями или-же прямо (третья группа) на произволъ коронныхъ судей. Это, прежде всего, преступленія противъ порядка управленія и противъ должностныхъ лицъ „при исполненіи ими или по поводу исполненія ими обязанностей службы“. Драконовскій „временный“ законъ 9-го мая 1878 г., изданный послѣ покушенія Вѣры Засуличъ, показался правительству слишкомъ мягокъ, ибо тамъ (ст. 1031, прим. 2) дѣло еще шло о „нанесеніи ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ“. Теперь оно возводило на степень тяжкаго государственнаго преступленія малѣйшій протестъ противъ самоуправства властей. Вторая категорія, это — такія сложныя и спеціальныя вины, которыя якобы выше пониманія средняго присяжнаго или-же встрѣчаютъ съ его стороны поблажку: преступленія по государственной и общественной службѣ, въ банкахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, т. е. говоря по просту всѣ тѣ вины, по которымъ правительство желало сохранить за собою монополію бить маленькихъ воришекъ и прощать крупныхъ воровъ. Доказательство: знаменитаго банкокрада Юханцева присяжные обвинили, а сибирскія власти устраивали ему по дорогѣ чуть не тріумфальныя арки; общественное мнѣніе требовало строгаго наказанія желѣзнодорожниковъ послѣ Кукуевской катастрофы, а самъ царь приказалъ потушить дѣло. Третья категорія, это—неважные проступки, особенно совершаемые мало—и несовершеннолѣтними: правительство передало ихъ короннымъ судьямъ, очевидно, потому, что боялось гуманнаго отношенія присяжныхъ къ дѣтямъ и полагало, что церемониться со всякою, молъ, дрянью да по неважнымъ дѣламъ нечего.

Изъ другихъ мѣръ, направленныхъ противъ суда, укажемъ: на законъ 20-го мая 1885 г., наносящій, между прочимъ, ударъ несмѣняемости судей, которая въ деспотическомъ государствѣ является хоть нѣкоторымъ оплотомъ противъ произвола; и на законъ 12-го іюня 1889 г. о земскихъ начальникахъ, дополненный правилами 29-го декабря того-же года и который почти цѣликомъ уничтожаетъ избираемыхъ обществомъ мировыхъ судей. Объ этой „реформѣ“ мы, впрочемъ, скажемъ въ болѣе подходящемъ мѣстѣ.

Наше земство, уже при рожденіи его (по устав. 1864 г.) было хилымъ дѣтищемъ, которое съ самаго начала было подчинено властному протесту губернатора, а въ послѣдствіи попало и въ прямую зависимость отъ этого администратора. Кромѣ того, земскіе выборы, основанные на высокомъ цензѣ и неравенствѣ различныхъ группъ избирателей, приводили къ самымъ несправедливымъ результатамъ: въ то время, какъ въ 361 уѣздѣ 34 земскихъ губерній 64% всѣхъ избирателей составляли крестьяне,

лишь 12% землевладѣльцы, лишь 10% купцы и пр., — гласныхъ отъ землевладѣльческаго сословія было уже цѣлыхъ 35% всѣхъ гласныхъ, городскихъ гласныхъ 15%, а крестьянскихъ лишь 38% и пр. Почти вездѣ крестьяне оказывались въ рѣшительномъ меньшинствѣ по сравненію съ обѣими группами имущихъ сословій, вмѣстѣ взятыми. Кромѣ того, дворянство играло важную роль на земскихъ собраніяхъ, предсѣдателями которыхъ должны быть предводители дворянства, и въ земскихъ управахъ: въ 1886 г. считалось на 137 должностныхъ лицъ въ губернскихъ управахъ 119 дворянъ и чиновниковъ, только 2(!) крестьянина, и пр.

Но Александру III и такое земство показалось слишкомъ краснымъ. По закону 12-го іюня 1890 г., земству былъ приданъ рѣшительный сословно-дворянскій характеръ. Вмѣсто двухъ первыхъ группъ избирателей (отъ землевладѣнія и отъ городовъ) были созданы двѣ рѣзко-сословныя группы, дворянскій и недворянскій съѣзды, при чемъ уменьшено было общее число гласныхъ, но увеличена пропорція гласныхъ благороднаго сословія: наприм. въ Орловской губерніи прежде изъ 538 уѣздныхъ гласныхъ 263 гласныхъ, или немногимъ менѣе половины, было отъ землевладѣльцевъ, а теперь изъ 390 уже цѣлыхъ 229, или почти двѣ трети, избраны дворянами. Кромѣ того надъ гласными отъ сельскихъ обществъ учреждена прямая опека губернатора, который изъ общаго числа избранныхъ волостными сходами назначаетъ по своему произволу тѣхъ или другихъ лицъ до комплекта, положеннаго по росписанію. Право протеста, утвержденія и отмѣны рѣшеній земскихъ собраній администраціей чрезвычайно расширено. Теперь губернаторъ останавливаетъ рѣшеніе не только, когда оно „противорѣчитъ закону или общей государственной пользѣ", но и тогда, когда онъ заблагоразсудитъ найти въ немъ „явное(?!) нарушеніе интересовъ мѣстнаго сословія". Для многихъ вопросовъ, подлежащихъ теперь утвержденію губернатора или министра, у земства нѣтъ возможности аппеляціи. По этимъ вопросамъ рѣшаетъ столкновенія между земствомъ и администраціей уже не сенатъ, а особое учрежденіе, губернское земское присутствіе, состоящее изъ четырехъ членовъ администраціи и трехъ представителей земства и находящееся подъ предсѣдательствомъ губернатора. Можете представить себѣ, какую самостоятельность проявляетъ эта почтенная коллегія, гдѣ губернаторъ является и стороной и предсѣдателемъ суда по своему-же дѣлу! Земскія управы превращаются въ органы администраціи. Удаленіе отъ должности членовъ и предсѣдателей управъ исходитъ теперь не отъ сената, а отъ губернскаго присутствія или отъ совѣта министра вн. дѣлъ. Наконецъ, законъ установляетъ штрафы за неявку членовъ на собранія: право гражданина вполнѣ логично перешло въ простую обязанность чиновника.

Въ реакціонномъ-же духѣ было пересмотрѣно и безъ того реакціонное городовое положеніе 1870 г. Согласно ему, вся масса

избирателей дѣлилась на три группы, вносившихъ каждая одинаковую сумму городскихъ налоговъ и посылавшихъ въ думу, несмотря на страшное различіе въ численности, одинаковое число гласныхъ. Отсюда получались такія удивительныя вещи, что, напр., въ 1885 г. въ Петербургѣ третья, бѣднѣйшая, группа въ 18233 избирателей имѣла въ думѣ лишь треть гласныхъ, а 1000 избирателей двухъ первыхъ категорій — остальныя двѣ трети. Въ новомъ положеніи (11-го іюня 1892 года), групповой податной цензъ замѣненъ личнымъ цензомъ владѣнія недвижимой собственностью (отъ 3000 до 300 руб., смотря по городамъ) или выборкой купеческаго свидѣтельства по двумъ первымъ гильдіямъ. Такимъ образомъ длинный хвостъ избирателей третьяго разряда, имѣвшій хоть кое-какія права, отрубленъ и выброшенъ за порогъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выметена и значительная часть интеллигенціи, не обладающая недвижимостью. Число гласныхъ уменьшено: наприм., въ Петербургѣ съ 252 на 160. Законъ умышленно вводитъ болѣе строгія условія выборовъ, напр. перевѣсъ бѣлыхъ шаровъ надъ черными, т. е. не относительное, какъ прежде, а уже абсолютное большинство при перебаллотировкѣ; а вмѣсто забаллотированныхъ такимъ образомъ кандидатовъ министръ назначаетъ своихъ ставленниковъ: въ 1893 г. правительство назначило $^2/_3$ питерскихъ думцевъ, и подобныя вещи повторились по всей Россіи. Расширеніе правъ администраціи отмѣнять думскія рѣшенія, удалять отъ должности городскихъ служащихъ; штрафъ за неявку,—все это опредѣлено какъ для земства. Восторжествовала излюбленная „Московскими Вѣдомостями" „идея не крикливаго представительства, а серьезнаго служенія государству" !

V

Къ послѣдней категоріи политическихъ реформъ принадлежатъ мѣры, ставящія массу населенія въ зависимость отъ привилегированныхъ сословій или въ исключительно-невыгодныя условія. Таково, прежде всего, введеніе земскихъ начальниковъ. Но извѣстными своими частями оно относится и ко второй категоріи: оно подкапывается подъ всѣ наиболѣе цѣнныя стороны судебныхъ уставовъ 1864 г., смѣшивая судебную и административную власти и почти уничтожая выборныя мировыя учрежденія,—вещь наиболѣе симпатичную и оригинальную въ русской судебной реформѣ. Можно и не впадать въ либеральное идолопоклонство передъ принципомъ раздѣленія властей, но какъ не сказать, что

соединеніе судьи и администратора въ нашемъ деспотическомъ государствѣ отдаетъ громадную часть населенія въ безконтрольную власть земскаго начальника.

За исключеніемъ столицъ и немногихъ крупныхъ городовъ, новая „реформа" упразднила участковыхъ мировыхъ судей, избиравшихся уѣздными земствами, и дѣла ихъ подѣлила между волостными судами, поставленными теперь въ зависимость отъ земскихъ начальниковъ, этими самыми земскими начальниками и уѣздными членами окружнаго суда, т. е. коронными чиновниками. Коронный-же чиновникъ, именуемый городскимъ судьей, замѣнилъ городскаго мироваго судью. Ненависть правительства къ обществу—одна изъ причинъ новаго закона. Другая, это—желаніе правительства сдѣлать народъ рабомъ деспотическаго государства, снова превративъ его въ крѣпостнаго дворянъ. Земскій начальникъ избирается губернаторомъ, по соглашенію съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства, преимущественно изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, удовлетворяющихъ имущественному и образовательному цензу; и утверждается министромъ вн. дѣлъ. Но на случай недостачи кандидатовъ, министру „временно" предоставляется назначать лицъ безъ всякаго образованія и даже не дворянъ, лишь-бы „по имѣющимся у министра свѣдѣніямъ они оказывались достойными занять должность". Тутъ дѣло уже ясно: лучшій цензъ для земскаго начальника—

Ударъ искросыпительный,
Ударъ зубодробительный,
Ударъ-скуловоротъ!

О судебной власти земскаго начальника много распространяться нечего. Но какъ не припомнить, что сторонники „реформы" обѣщали намъ судъ не только правый, а и скорый; между тѣмъ, поглощенный своимъ административнымъ боксомъ, земскій начальникъ не имѣетъ времени отправлять правосудіе, и просители располагаются цѣлыми бивуаками и въ теченіе трехъ-четырехъ дней вокругъ судебной камеры. Приговоры волостныхъ судовъ подлежатъ теперь разсмотрѣнію земскихъ начальниковъ и утвержденію уѣздныхъ съѣздовъ (которые состоятъ изъ тѣхъ-же самыхъ земскихъ начальниковъ, уѣзднаго предводителя дворянства, уѣзднаго члена суда и, по очереди, городскихъ и почетныхъ мировыхъ судей). Такія возмутительныя мѣры, какъ сѣченье, будутъ въ сущности рекомендоваться и, стало быть, назначаться этими коллегіями благородныхъ администраторовъ. Въ довершеніе всего высшей (кассаціонной) ступенью для рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ, составляющихъ вторую инстанцію, является уже не кассаціонный департаментъ сената, а 36 различныхъ маленькихъ сенатиковъ или губернскихъ присутствій, въ каждомъ изъ которыхъ засѣдаютъ опять таки главнымъ образомъ администраторы: губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворян-

ства, два непремѣнныхъ члена, „по преимуществу“ администраторовъ, и предсѣдатель или непремѣнный членъ окружнаго суда. И теперь уже трудно разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ рѣшеній трехъ дюжинъ кассаціонныхъ мѣстъ!

Еще знаменательнѣе административная роль земскаго начальника. Онъ пріостанавливаетъ сельскіе и волостные приговоры, которые, по его мнѣнію (произволу?), наносятъ ущербъ цѣлому обществу или отдѣльному лицу, и передаетъ ихъ на разсмотрѣніе административнаго присутствія уѣзднаго съѣзда; а въ этомъ присутствіи засѣдаютъ лишь одни администраторы: земскіе начальники, исправникъ и уѣздный предводитель дворянства. Теперь и приговоры о передѣлѣ подлежатъ контролю „господъ“, какъ во время крѣпостнаго права. Земскій начальникъ облеченъ самою широкою властью по отношенію къ сельскимъ и волостнымъ должностнымъ лицамъ, подвергая ихъ „безъ формальнаго производства“(!) взысканію до 5 руб., аресту до 7 дней, и проч. Изъ восьми кандидатовъ въ волостные судьи онъ выбираетъ четырехъ по произволу. Онъ караетъ по своему усмотрѣнію всѣхъ лицъ, подлежащихъ крестьянскому общественному управленію, — не только крестьянъ, но и мѣщанъ, постоянно проживающихъ въ деревнѣ, — штрафомъ до 6 рублей или арестомъ до 7 дней. Онъ имѣетъ право предписать волостному суду возбудить дѣло противъ любаго изъ жителей и, давя на волостныхъ судей, его покорныхъ рабовъ, заставить высѣчь кого ему заблагоразсудится изъ крестьянъ. Земскій-же начальникъ открываетъ и предсѣдательствуетъ сельскими сходами, выбирающими гласныхъ отъ крестьянъ; и хотя законъ запрещаетъ крестьянамъ избирать въ гласные своего земскаго начальника, они могутъ избирать земскихъ начальниковъ другихъ участковъ. Это, какъ видите, будетъ обмѣнъ услугъ и подвластныхъ избирателей! Земства уже жалуются на то, что они заполонены земскими начальниками, которыхъ посылаетъ туда гласными крестьянская спина.

Теперь результаты реформы на выворотъ уже достаточно выяснились. Земскіе начальники - то открыто покровительствуютъ кулакамъ, побоями заставляя крестьянъ соглашаться на беззаконныя требованія грабителей: примѣръ ефремовскій земскій начальникъ Миллеръ, который въ камерѣ жестоко избилъ сельскаго старосту деревни, выигравшей въ сенатѣ земельный процессъ противъ купца Вознесенскаго („Недѣля“). То они вводятъ прямую барщину и круговую поруку всей деревни при наймѣ рабочихъ помѣщиками: примѣръ тульскій земскій начальникъ, который совѣтуетъ каждому землевладѣльцу „поставить себѣ за правило всѣ разсчеты съ рабочими какъ годовыми такъ равно и поденными производить не съ ними, а съ сельскими старостами того общества, откуда нанимаются рабочіе“, и ручается при этомъ гг. землевладѣльцамъ, что онъ „заставитъ рабочихъ работать такъ какъ слѣдуетъ работать“ („Гражданинъ“). То они вну-

шаютъ крестьянамъ чинопочитаніе, положительно напоминающее поклоненіе шляпѣ Гесслера: примѣръ орловскій земскій начальникъ, который предписалъ циркулярно „мужикамъ, хотя-бы ѣдущимъ съ нагруженнымъ возомъ, при встрѣчѣ съ дворянами сворачивать съ дороги, вставать съ мѣста, снимать шапку и провожать ихъ благородія глазами" („Новое Время"). То наконецъ открываютъ настоящую охоту по мужикамъ: примѣръ начальникъ 5-го земскаго участка Нижегородскаго уѣзда, „который взялъ охотничье ружье, зарядилъ его и отправился стрѣлять „своихъ" крестьянъ („Недѣля")!

Еще въ 1887 г. министерство народнаго просвѣщенія издало цѣлый рядъ мѣръ, проникнутыхъ сословной ненавистью къ разночинцу и вообще непривелигированнымъ классамъ. Властямъ показался еще слишкомъ радикаленъ реакціонный гимназическій уставъ 1872 г. Статья 23-я этого устава говорила: „въ гимназіяхъ обучаются дѣти всѣхъ сословій безъ различія званія и вѣроисповѣданія". Простое министерское распоряженіе 18 го іюня 1887 г. производило цѣлый переворотъ въ этомъ основномъ положеніи, предписывая, „чтобы въ гимназіи допускались только такія дѣти, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ нравственномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства". Самый тонъ циркуляра по своему откровенному цинизму представляетъ нѣчто неслыханное даже въ лѣтописяхъ нашей администраціи. Безцвѣтный подъяческій языкъ нашихъ оффиціаловъ окрашивается здѣсь личной страстной ненавистью важнаго барина и имущаго лица къ трудящейся массѣ, которая осмѣливается тянуться откуда-то снизу, изъ грязнаго болота, къ солнцу и образованію,—этой монополіи благородныхъ бѣлоручекъ и толстосумовъ-грабителей. „При неуклонномъ соблюденіи этого правила гимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей; дѣтей коихъ. . . . вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ". Конечно, „не слѣдуетъ"! Иначе, что станется съ благородными и имущими сословіями? Кто будетъ состоять при нихъ послушнымъ автоматомъ, машиной для облегченія ихъ „культурной миссіи", готовить тонкія кушанья ихъ превосходительствамъ и степенствамъ, крахмалить воротнички ихъ безукоризненныхъ рубашекъ, махать косой на сороко-градусномъ солнцепекѣ, надрываться за фабричнымъ станкомъ?

Дальнѣйшими распоряженіями министерство заклепывало кандалы, наложенные на недостаточные классы. Въ 1887-же году оно возвысило на цѣлую треть плату за ученіе въ гимназіяхъ, а въ университетахъ назначило особыхъ инспекторовъ, надзирающихъ за распредѣленіемъ стипендій лишь между благонадежными студентами.

Послѣднимъ политическимъ актомъ Александра III былъ изданный имъ 6-го мая 1894 года указъ, по которому назначенiе на службу, прохожденiе ея и отставка каждаго чиновника отнимались у непосредственнаго начальства и передавались въ вѣдомство особаго комитета подъ непосредственнымъ наблюденiемъ царя. Самъ царь объявлялъ банкротомъ политическiй строй, представляемый имъ. „Всѣ вы—мошенничающiе прикащики, надувающiе господина Великой, Малой и Бѣлой Россiи; за всѣми вами нуженъ хозяйскiй глазъ“—очень недвусмысленно говорилъ этотъ актъ высочайшаго недовѣрiя къ страшно-дорогой, огромной и дѣйствительно никуда-негодной бюрократiи!

VI

Если гдѣ невольно припоминаешь слова Гете: „цифры не управляютъ мiромъ, но показываютъ, какъ онъ управляется“, то въ области русской экономики. Что-же говорятъ цифры? Поднялъ царь благосостоянiе страны и народа? Отвѣтъ на это — сравненiе бюджета и производительности Россiи. Мнѣ еще и еще приходится повторять тотъ фактъ, что государственный и земскiй бюджетъ (1300 миллiон. руб.) беретъ у насъ одну четверть валоваго ежегоднаго дохода (5200 миллiоновъ) и весь чистый доходъ. При этомъ ростъ бюджета забѣгаетъ все впередъ и впередъ производства. Съ воцаренiя и до смерти Александра III-го лишь обыкновенные доходы возросли въ отношенiи 157 : 100 (1026 миллiоновъ руб. обыкновенныхъ доходовъ въ 1893 году и 652 миллiона въ 1881 году). Какъ же возросло за это время прежде всего земледѣльческое производство? Чтобы не впасть въ ошибку, сравнивая случайный урожай отдѣльнаго года съ другимъ, мы сравнимъ среднiй урожай перваго и втораго шестилѣтiя 12-лѣтняго перiода —1880—1892, а для этого вычислимъ среднее для всѣхъ хлѣбовъ по таблицѣ новѣйшаго русскаго оффицiальнаго изданiя (для Чикагской выставки)*). Оказывается, что среднiй урожай втораго шестилѣтiя выше, чѣмъ въ первомъ, лишь въ отношенiи 102 : 100, т. е. практически повышенiе равно нулю. При этомъ цифры отдѣльныхъ лѣтъ валятся какъ изъ мѣшка, чисто случайно, безъ всякой тенденцiи къ повышенiю: въ неурожайномъ 1880-мъ году жатва достигаетъ лишь 83,7% средней, въ необыкновенно урожай-

*) The industries of Russia; St-Petersburg, 1893, vol. III: Agriculture and Forestry, p. 98-99.

ные 1887-1888 гг. поднимается до 109,9% и 110,7%, а въ страшномъ голодномъ 1891-мъ году падаетъ до 73,6% нормальной. И при этомъ, не забудьте паденія хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ: въ пятилѣтіе 1881 — 1885 средняя цѣна вывозимаго нами хлѣба достигала 65 копѣекъ золотомъ, въ пятилѣтіе-же 1886 — 1890 лишь 51 коп. золотомъ. И выходитъ, что за повысившееся въ отношеніи 102 : 100 земледѣльческое производство земледѣлецъ получалъ въ концѣ періода деньгами менѣе въ отношеніи 80 : 100. Иначе говоря, въ царствованіе Александра III къ каждому рублю прибавилось лишнихъ 57 коп. налога, а отъ каждаго рубля земледѣльческаго дохода за это-же царствованіе условія производства и обмѣна отняли 20 копѣекъ...

Здѣсь меня останавливаютъ философы и поэты русскаго третьяго сословія и приглашаютъ меня „посмотрѣть только" на наши фабрики, наши желѣзныя дороги: можетъ быть, индустрія и оплачиваетъ нашъ бюджетъ? Увы, самъ г. Менделѣевъ, восторженный пророкъ русскаго капитализма, даетъ цифры, которыя рисуютъ развитіе нашей промышленности далеко не въ томъ блестящемъ видѣ, какого можно было ожидать, судя по его-же лирическимъ тирадамъ. Въ пятилѣтіе 1881 — 1885 средняя годовая производительность всей русской индустріи простиралась до 1.325 милліоновъ руб., въ слѣдующее-же пятилѣтіе поднялась лишь до 1517*); и даже сравнивая два крайніе года, 1881 и 1890 г., мы находимъ ростъ промышленности лишь въ 28% (съ 1287 до 1656 милліоновъ). Сопоставьте съ этимъ 57% роста бюджета, обратите вниманіе на то, что населеніе возросло за это время почти на 24% (съ 102 до 126 милліоновъ): какъ туги сравнительно успѣхи нашей промышленности! При томъ доля, которую отдаетъ на бюджетъ нашъ промышленный классъ, до смѣшнаго ничтожна. Въ то время какъ изъ $151^1/_2$ милліоновъ руб. однихъ окладныхъ сборовъ мужикъ выплачиваетъ около 134 милліоновъ, нашъ торговый и промышленный капиталъ жертвуетъ всего лишь 51 милліонъ (около 38 милліоновъ съ торговыхъ патентовъ да около 13 милліоновъ 5% налога на капиталъ) для содержанія той самой государственной машины, которая позволяетъ ему заниматься деннымъ грабежомъ русскаго народа.

Неразрѣшимая задача, вытекавшая изъ быстраго роста бюджета при тугомъ развитіи производительныхъ силъ, была рѣшена очень просто: увеличеніемъ прямыхъ, а, главное, косвенныхъ налоговъ. Правительство очень гордится принятыми имъ (по указу 28 декабря 1881 года) мѣрами понизить выкупные платежи и отмѣнить подушную подать. Но, понижая выкупные платежи на 12 милліоновъ, оно въ сущности лишь отказалось отъ безнадежной недо-

*) См. уже цитированное нами изданіе The industries of Russia; vol. I: Manufactures and Trade, Introduction, p. IX.

имки въ 17 милліоновъ по той самой выкупной операціи, по которой оно получило 40 милліоновъ барышей (какъ это было вычислено Ходскимъ). Кромѣ того, часть отмѣненной подушной подати была возмѣщена увеличеніемъ оброчной подати государственныхъ крестьянъ на 45% или 16 милліоновъ, когда по нелѣпому закону 14-го іюня 1886 года эту подать превратили въ выкупные платежи, а государственныхъ крестьянъ, т. е. вѣчныхъ арендаторовъ національнаго земельнаго фонда, въ частныхъ собственниковъ. Наконецъ, правительство возвысило поземельный и другіе сборы. И вотъ результаты: въ томъ самомъ „благословенномъ“ 1893 г., въ которомъ поступило съ крестьянъ 99 милліоновъ выкупныхъ платежей, недоимка по этимъ платежамъ, исключительно среди государственныхъ крестьянъ, возрасла на 6 милліоновъ, образовавъ въ 1894 году общую сумму недоимки въ 90 милліоновъ, т. е. $^9/_{10}$ всего годоваго оклада. По отчету государственнаго контролера за 1893 годъ, въ 19 губерніяхъ недоимки превышаютъ полуторный годовой окладъ; изъ нихъ въ трехъ губерніяхъ превышаютъ двойной, въ трехъ тройной, а въ одной (Оренбургской) четверной! Что касается до всѣхъ окладныхъ сборовъ, то въ 1893 г. ихъ поступило $151^1/_2$ милліонъ, а недоимокъ на 1894 г. перешло $129^1/_2$. Единственно что можно зачесть въ число мало-мальски полезныхъ мѣръ Александра III по части прямыхъ налоговъ, это—налогъ на наслѣдства (1882 г.); установленіе трехпроцентнаго и раскладочнаго сбора съ промышленно-торговыхъ предпріятій и 5% сбора съ денежныхъ капиталовъ (1885 г.); да квартирный налогъ (1893 г.).

А посмотрите на косвенные налоги, которые питаютъ у насъ $^3/_5$ бюджета. Вотъ какими „реформами“ обязана по этой части Россія Александру III. Мы начинаемъ. Удвоеніе цѣны питейныхъ патентовъ (1883 и 1884 г.) Возвышеніе акциза на спиртъ, косвенное (1885, 1886, 1887, 1888 г.) и прямое (1881, 1885, 1888, 1892 года), доведшее акцизъ до 10 рублей съ ведра, т. е. до семерной или восьмерной цѣны вина. Увеличеніе акциза на табакъ (1885 и 1889 года). Безпрестанное возростаніе акциза на сахаръ (указы 1881, 1884, 1890, 1891, 1893 г.), взогнавшее этотъ налогъ до 1 р. 75 коп. съ пуда, начиная съ сентября 1894 г. Введеніе налога на спички (1888 г.), „урегулированіе“ его (1889 г.) и увеличеніе налога на фосфорныя спички (1892). Введеніе (1888) и увеличеніе (1892 и 1893 г.) нефтянаго налога, берущаго съ пуда керосина, смотря по сорту, отъ 70 до 80 коп., т. е. тройную или четверную рыночную цѣну, которая до введенія акциза равнялась 20-30 коп. съ пуда. Непомѣрное увеличеніе косвенныхъ налоговъ на заграничный ввозъ, въ видѣ почти запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ, отчасти чтобы наполнить бездонную бочку казначейства, отчасти чтобы охранить грабительскіе интересы капиталистовъ: въ концѣ 1881 г, общее увеличеніе этихъ пошлинъ на 10%; въ 1882 г., установленіе новыхъ пошлинъ и увеличеніе

старыхъ (на полотно, шерстяныя матеріи, металлы, — особенно чугунъ, — уголь, свѣчи и пр.); въ 1884 г., новое увеличеніе (на сельди, чай, вина, шелкъ и пр.); въ 1885 году общее увеличеніе пошлинъ на 20%; въ 1887, новое повышеніе (на чугунъ, желѣзо, машины земледѣльческія (70 коп. зол. съ пуда) и другія (1 руб. 40 коп. золот. съ пуда), всевозможныя матеріи, стеклянныя и металлическія издѣлія); въ 1890 г., новое увеличеніе на 20% (для угля на 40%), завершившееся въ 1891 г. безумнымъ почти запретительнымъ тарифомъ на все и на вся, который вызвалъ, наконецъ, торговую войну съ Германіей, раззорилъ сельскихъ производителей и многихъ промышленниковъ и былъ по необходимости замѣненъ, 29 января 1894 г., торгово-договорнымъ тарифомъ съ Германіей, уменьшившимъ пошлины на 10%—20% для важнѣйшихъ статей нѣмецкаго ввоза и до 50% для нѣкоторыхъ (напр. угля). Какъ-бы то ни было, въ 1884 г. русскій потребитель платилъ за каждые 100 руб. ввозимыхъ товаровъ 13 руб. золотомъ, т. е. 19½ руб. кредитныхъ, а въ 1893 г. уже 21 руб. золотомъ или 31 руб. кредитныхъ. Въ концѣ концовъ, правительство съ 1884 по 1893 годъ успѣло увеличить на 69 милліоновъ сумму косвенныхъ внутреннихъ налоговъ и на 47½ милліоновъ сумму таможенныхъ пошлинъ, и это увеличеніе преимущественно легло на народъ и отозвалось на сокращеніи потребленія*). Опять таки у самихъ-же поборниковъ капитализма, въ родѣ г. Менделѣева, которые увѣряютъ, будто теперь все платитъ индустрія(!), находишь такія цифры. Въ 1881 году русская промышленность произвела на 1287 милліоновъ руб., да изъ-за границы было получено мануфактурныхъ издѣлій на 541 милліонъ; итого было „потреблено“ всего на 1828 милліоновъ предметовъ промышленности. Въ 1890 г. покровительствуемый царемъ капитализмъ едва добрался до 1656 милліоновъ производства, но изъ-за границы было уже ввезено лишь на 416 милліоновъ; итого, потребленіе мануфактурныхъ предметовъ было не выше 2072 милліоновъ. Теперь не забудьте, что въ 1881 г. населеніе исчислялось приблизительно въ 100 милліоновъ, а въ 1890 г. уже въ 119 милліо-

---

*) Замѣчу здѣсь кстати, что русскій капитализмъ, откармливаемый всяческими пошлинами, не оправдалъ надеждъ и по части завоеванія внѣшнихъ рынковъ. По русскимъ-же оффиціальнымъ донесеніямъ консуловъ, въ западномъ Китаѣ, наприм. Чугучакѣ, насъ побиваютъ по части хлопчатобумажныхъ тканей англичане, нѣмцы и японцы, а въ Бухарѣ нашъ знаменитый „немаркій ситчикъ“ идетъ на... приготовленіе краски для пасхальныхъ яицъ, одѣваются-же жители въ англійскіе ситцы (см. „Вѣстникъ Финансовъ“ за 1894 г.). Вотъ тебѣ и блестящіе результаты построенія Закаспійской дороги, о которыхъ заблаговременно возвѣстилъ всему міру генералъ Анненковъ въ „Petermann's Mittheilungen“ и пр. спеціальныхъ и не-спеціальныхъ журналахъ!

оновъ. Иначе говоря, въ началѣ царствованія Александра III средній русскій потреблялъ на 18 руб. 28 коп. продуктовъ промышленности въ годъ; чарезъ 10 лѣтъ онъ сталъ потреблять лишь на 17 р. 40 коп., при чемъ стоимость продуктовъ, говоря вообще, не измѣнилась, и, стало быть, потребленіе дѣйствительно пало. Кромѣ того, подъ словомъ „потребленіе“ тутъ нельзя разумѣть лишь личное потребленіе человѣка: чѣмъ больше развивается капитализмъ, тѣмъ большая доля капитала тратится на фабрики, орудія производства, сырой матеріалъ,— вещи, которыя рабочій не можетъ потреблять непосредственно. Можете себѣ представить, какое пониженіе благосостоянія долженъ былъ испытать средній вѣрноподданный Александра III!

Резюмируемъ смыслъ экономики покойнаго царя: бюджетъ возросъ на 57%; земледѣльческая производительность возросла едва на 2%, а общая цѣнность ее упала на 20%; туземная промышленность возросла на 28%, но такъ какъ ввозъ уменьшился на 23%, а населеніе увеличилось за это время процентовъ на 20 (26, если считать 1894 г.), то потребленіе продуктовъ промышленности уменьшилось для каждаго русскаго. Отсюда — хроническія и острыя голодовки русскаго народа, холерныя, тифозныя и дифтеритныя эпидеміи, мельчаніе расы, падежъ скота и выпахиваніе земли. Уже къ 1891 г. одна пятая крестьянъ не имѣла скота, а послѣ голода 1891-92 г.. въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, и цѣлая половина. Изъ 50 милліоновъ крестьянъ въ 34 земскихъ губерніяхъ безлошадныхъ считалось въ 1888 г. 11 милліоновъ, а въ 1892 г. цѣлыхъ 15 милліоновъ. Потребленіе растительной пищи (въ переводѣ на зерно) спустилось до $1^2/_5$ фунта въ день на средняго русскаго, который, между тѣмъ, исключительно питается хлѣбомъ и овощами. Народъ мельчаетъ: въ 1893 г., изъ каждыхъ пяти русскихъ, призываемыхъ на службу, одинъ признанъ былъ негоднымъ!

Тутъ ничего уже не докажутъ ни бездефицитные бюджеты, ни превышеніе доходовъ надъ расходами. Теперь самые благонамѣренные органы догадались, что это обозначаетъ лишь произвольно-высокое назначеніе по смѣтѣ доходовъ сравнительно съ расходами: дефицитъ въ бюджетѣ замѣненъ дефицитомъ самыхъ насущныхъ условій жизни среди народа. Не доказываетъ ничего и „свободная наличность казначейства“: самъ-же государственный контролеръ говоритъ, что, напр., изъ чрезвычайныхъ поступленій 1893 г. 162 милліона были добыты займами ($96^1/_2$ отъ реализаціи $4^1/_2$% внутренняго займа 1893 г., а $65^1/_2$ отъ реализаціи остатковъ 3% золотаго займа 1891 г.) и что всетаки $79^1/_2$ милліоновъ чрезвычайнаго бюджета оставались непокрыты, и дефицитъ этотъ пришлось пополнять изъ избытка обыкновеннаго бюджета, что и свело 108 милліоновъ превышенія на $28^1/_2$. Въ царствованіе Александра III государственный долгъ возросъ на 1749 милліоновъ рублей кред., достигнувъ къ 1895 г. 5589 милліоновъ кре-

дитныхъ, т. е. превысивъ общее годовое производство страны*).

Остаются нѣкоторыя спеціальныя мѣры царской экономики, якобы выражающія заботливость царя о низшей братіи. Но можно-ли серьезно говорить хотя-бы объ указѣ 1881 г., который вводитъ обязательный выкупъ земли для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и такимъ образомъ стираетъ будто-бы послѣдніе слѣды крѣпостной зависимости, когда новое крѣпостное право выросло съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ? Или что сказать относительно „благодѣтельнаго“ закона о переселеніяхъ (13-го іюня 1889 г.), которымъ разрѣшается переселенцамъ селиться на государственныхъ земляхъ въ Сибири, въ то самое время, какъ строжайшія мѣры всячески препятствуютъ самому переселенію? Или, быть можетъ, мы должны восхищаться закономъ о неотчуждаемости надѣловъ (14-го декабря 1893 г.), который какъ разъ позволяетъ ихъ отчуждать сельскимъ кулакамъ? Или учрежденіемъ (въ 1882 г.) Крестьянскаго банка?

Но уже съ самаго начала, правила банка отдали предпочтеніе деревенской буржуазіи передъ малоземельными крестьянами и „товариществу“ кулаковъ передъ сельской общиной, при чемъ общинникъ имѣетъ право на полученіе лишь 125 рублей ссуды, личный-же собственникъ 150 руб. Присоедините къ этому низкій размѣръ ссуды и, стало быть, необходимость значительныхъ доплатъ для покупки; отсутствіе запаснаго капитала; высокій процентъ по ссудѣ (отъ $7^1/_2$% до $8^1/_2$, смотря по сроку); искуственное поддержаніе цѣнъ на землю у банкротящихся дворянъ, благодаря основанію Дворянскаго банка. Вполнѣ естественно, что операціи Крестьянскаго банка съ каждымъ годомъ съуживались. Изъ 65.000000 рублей, выданныхъ за 10 лѣтъ для пріобрѣтенія 1.890349 десятинъ, на первые три года падаетъ 35 милліоновъ, или почти по 12 милліоновъ въ годъ среднимъ числомъ; въ послѣдніе три года всего лишь по $4^1/_2$ милліоновъ.

Въ параллель здѣсь будетъ кстати сказать объ учрежденіи (въ 1885 г.) Дворянскаго банка. Тутъ правительство щедрой рукой сыпало всяческія милости, льготы и поблажки. Возьмите крайне-умѣренный сравнительно процентъ по ссудѣ: въ началѣ $5^3/_4$% — $6^1/_4$% (смотря по сроку), а затѣмъ, послѣ выигрышнаго займа 1889 г., давшаго банку капиталъ въ 150 милліоновъ, всего $5^1/_4$% — $5^3/_4$%; всевозможныя экстренныя отсрочки недоимки, какъ въ 1889 или послѣ неурожая 1891-1892 г.; высокій размѣръ оцѣнки

*) Мы разсуждаемъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ. Но если вѣрить хоть одной десятой части того, что разсказываетъ Ціонъ — правда, низкій и продажный человѣкъ, — о нашихъ финансахъ (см. его „M. Witte et les finances russes“; Paris, 1895), и „превышенія“, и „свободная наличность“ существуютъ лишь на бумагѣ.

земельной собственности, особенно оцѣнки „специальной“, которая выше нормальной на 25-30%. Короче сказать, въ какіе нибудь 8-9 лѣтъ (по 1-е октября 1894 г.) дворяне задолжали „своему“ банку до 359 милліоновъ, тогда какъ, напр., всѣ десять земельныхъ акціонерныхъ банковъ болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ выдали лишь около 326 милліоновъ (по 1-е января 1894 г.). А хотите знать, каковы результаты этой царской филантропіи? Такой столпъ самодержавія, какъ Побѣдоносцевъ, въ 1889, сдѣлалъ слѣдующее знаменательное признаніе (см. въ 9 № „Русскаго Вѣстника“ статью „Семейные участки“): „Къ несчастію, учрежденіе Дворянскаго банка, направленное по основной мысли своей къ поддержанію хозяйства и къ охраненію имѣній отъ продажи посредствомъ кредита, на дѣлѣ едва-ли не привело къ противоположной цѣли, доставя многимъ несостоятельнымъ или оскудѣлымъ новый удобный способъ должать безъ разсчета на погашеніе долга изъ доходовъ имѣнія“!...

Наконецъ, остается фабричное законодательство, которому было положено основаніе въ 1882 г. учрежденіемъ фабричной инспекціи и которое, просуществовавъ въ видѣ „временныхъ правилъ“ 1882, 1885, 1886 и пр. годовъ, было, наконецъ, превращено въ постоянное закономъ 1890 года. Интересно, что иныя изъ временныхъ правилъ, превращаясь въ постоянныя, были измѣнены несомнѣнно къ худшему. Такова статья 114, которая прежде запрещала для малолѣтнихъ работу отъ 12 до 15 лѣтъ более 8 часовъ въ сутки и при этомъ долѣе 4 часовъ сряду, а теперь (прим. 1 по прод. 1890 г.) расширяетъ эти границы до 9 часовъ въ сутки и до $4^1/_2$ часовъ сряду. Такова статья 91-я (примѣч. 2 по прод 1890 года), которая, запрещая для подростковъ отъ 15 до 17 лѣтъ и женщинъ ночную работу между 9 ч. вечера и 5 ч. утра на фабрикахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, вводитъ какъ разъ ночную двухчасовую работу, тѣмъ, что передвигаетъ границы запрещенія съ 9 ч. на 10 ч. вечера и съ 5 ч. на 4 час. утра для заведеній съ 18 часовою непрерывною дневною (хороша дневная!) работою двумя смѣнами; и, мало того, предоставляетъ администраціи право разрѣшать работу въ теченіе всей ночи подросткамъ и женщинамъ, разъ „означенныя работы исполняются ими одновременно и совмѣстно съ главами ихъ семействъ“. Что за блюстители семейной нравственности и семейной эксплуатаціи!

Но, главное, не забывайте, какимъ органамъ ввѣряется наблюденіе за выполненіемъ законодательства. Фабричная инспекція „находится въ непосредственномъ вѣдѣніи“ Департамента торговли и мануфактуръ (при министерствѣ финансовъ), а Совѣтъ этого Департамента, какъ извѣстно, состоитъ, кромѣ администраціи, изъ призываемыхъ правительствомъ крупныхъ промышленниковъ, которые по самому положенію своему явятся злѣйшими врагами рабочаго. Далѣе, между министерствомъ и инспекторами стоятъ

такъ называемыя „губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія“. И вотъ каковъ составъ этихъ губернскихъ органовъ, кромѣ окружнаго фабричнаго инспектора или его помощника: губернаторъ и вице-губернаторъ (это по части нажима и розогъ!), прокуроръ и начальникъ жандармскаго управленія (ну, это по части „бунтовъ“ и „сицилистовъ“!), городской голова или членъ городской управы (это по части семейнаго обдѣлыванія дѣлишекъ ихъ степенствами!), наконецъ, предсѣдатель или членъ губернской земской управы, единственное лицо, которое можетъ и не быть прямо заинтересовано въ эксплуатаціи рабочаго. Еще лучше дѣло обстоитъ въ Польшѣ, гдѣ члены отъ города и земства замѣняются: въ Варшавскомъ присутствіи — двумя членами отъ мѣстнаго мануфактурнаго комитета, а въ Петроковскомъ — двумя членами изъ мѣстныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ!

Теперь обратите вниманіе на характеръ наказаній, которыя фабричное законодательство опредѣляетъ за нарушенія фабрикантамъ и рабочимъ. Капиталистъ наказывается за „самовольное пониженіе платы своихъ работниковъ“ денежнымъ взысканіемъ отъ 100 до 300 руб. (ст. 1359 Уложенія о наказ. угол. и испр., изд. 1885). А рабочіе „за самовольный отказъ отъ работы“ подвергаются „аресту не свыше(!) одного мѣсяца. (Уставъ о наказ. налаг. миров. суд., ст. 51[1] Высоч. пов. 8-го іюня 1893 г.) Неравенство въ наказаніи за нарушеніе договора очевидно. Это еще не все. Статья 1358 Уложенія о нак. угол. и исправ. по изданію 1885 г налагала за стачку арестъ: на зачинщиковъ отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, на прочихъ отъ 7 дней до 3 недѣль. Теперь она дополнена статьею 1358[1] (по изданію 1890 г.), которая грозитъ „за прекращеніе работъ по стачкѣ“ заключеніемъ въ тюрьмѣ: отъ 4 до 8 мѣсяцевъ зачинщикамъ и отъ 2 до 4 мѣсяцевъ — прочимъ. Вы негодуете и спрашиваете: почему за нарушеніе договора хозяинъ платится очень умѣреннымъ штрафомъ, т. е. настоящей преміей за сбавку заработной платы; и почему за нарушеніе-же договора рабочему полагается тюрьма? Отвѣтъ вы найдете въ слѣдующемъ разъясненіи министра финансовъ (въ 1893 г.): „Устанавливая для фабрикантовъ за самовольное расторженіе ими договора имущественную отвѣтственность, законъ признаетъ рабочаго, самовольно оставившаго работу, лично отвѣтственнымъ за самовольный уходъ, какъ за дѣйствіе, запрещенное закономъ. *Хотя установленіе такого правила находится въ противорѣчіи съ характеромъ договорныхъ отношеній*, кои, будучи результатомъ добровольнаго соглашенія, могутъ опредѣляться лишь по началамъ гражданскаго права, но *необходимость означенной мѣры вызывается соображеніями совершенно исключительными*, ибо *недостаточное обезпеченіе*, при исполненіи договора личнаго найма на фабрикахъ, можетъ иногда *угрожать общественному спокойствію*. Въ виду этого привлеченіе рабочаго, самовольно оставившаго работу на фабрикѣ, къ личной отвѣтственности составляетъ *мѣру, оправдываемую цѣ-*

лями государственными, охраненіе которыхъ лежитъ на обязанности правительства"*).

Болѣе революціонной прозы трудно придумать. Правительство прямо говоритъ: „есть вещи, которыя я само признаю беззаконными; но я должно поддерживать ихъ въ видахъ моей прочности"! Здѣсь можно и кончить. Послѣ этого показалось-бы слабо даже указаніе на законъ 1886 года о наймѣ сельскихъ рабочихъ, который имѣетъ цѣлью по возможности скрутить сельскаго батрака и отдать его связаннымъ по рукамъ и ногамъ произволу землевладѣльца.

VII

Наконецъ, поговоримъ о внѣшней политикѣ царя, его миролюбіи и т. п. прекрасныхъ вещахъ. Что царь не любилъ войны, мы о томъ спорить не будемъ. Да и нельзя ожидать такой любви отъ человѣка, который оказался посредственностью даже по сравненію съ нашими жалкими генералами. Всѣмъ на памяти, какъ въ началѣ турецкой кампаніи Магометъ-Али нанесъ тогдашнему цесаревичу въ теченіе двухъ недѣль (между 10 и 24 августа 1877 г.) цѣлый рядъ пораженій при Айазларѣ, Кара-Гасанкіоѣ, Кацелевѣ, Аблавѣ и отбросилъ его съ береговъ Лома верстъ на 30 къ западу, за Янтру, гдѣ будущій царь россійскій и отсиживался отъ враговъ около мѣсяца. Но хотя Александръ III и боялся войны, его внѣшняя политика далеко не всегда была достойной пресловутаго „Миротворца".

Что рѣзче и антинаціональнѣе и печальнѣе его политики на Балканскомъ полуостровѣ? Освобожденная Болгарія была одушевлена наилучшими чувствами къ Россіи. Такъ дѣло еще обстояло при восшествіи Александра III. Но уже черезъ какіе-нибудь два мѣсяца, интриги русскихъ агентовъ, желавшихъ превратить Болгарію въ простую русскую губернію, помогли Баттенбергу совершить coup d'état (12-го мая 1881 г.) и, введя осадное положеніе, подтасовать выборы и составить консервативное министерство, между прочимъ съ двумя русскими генералами. Не успѣлъ сдѣлаться Баттенбергъ послушной маріонеткой петербургскаго кабинета, какъ его русскіе пособники уже бросаютъ консерваторовъ черезъ бортъ и вступаютъ въ союзъ съ либералами

---

*) А. Кобеляцкій, „Полный сборникъ узаконеній о наймѣ рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры" и проч. (Изд. одобр. Деп. торг. и мануф.), Спб., 1893, стр. 21-22.

и радикалами-руссофилами оттѣнка Цанкова, чтобы возстановить отмѣненную при ихъ-же помощи конституцію. Но русскіе политиканы успѣваютъ вооружить противъ себя всѣ болгарскія партіи, которыя группируются вокругъ князя, возвратившагося къ конституціи, и вынуждаютъ русскихъ министровъ подать въ отставку (7-го сентября 1883 г.). Первый взрывъ гнѣва Александра III-го, который отзываетъ изъ Болгаріи своего адъютанта Лѣсоваго.

Два года спустя, 6-го сентября 1885 г., вспыхиваетъ движеніе въ Восточной Румеліи, которая хочетъ присоединиться къ Болгаріи, и Баттенбергъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшаетъ провозгласить себя „княземъ Сѣверной и Южной Болгаріи“. Казалось, что Россія должна была-бы только радоваться этому фактическому возстановленію Болгаріи хотя приблизительно въ тѣхъ границахъ, въ какихъ это было предположено Сан-Стефанскимъ договоромъ. Увы! новый взрывъ царскаго гнѣва — и русской прессѣ дана нахлобучка за то, что она осмѣлилась отнестись сочувственно къ румелійскому возстанію: Его Величество, православный государь, пускается на защиту правъ султана, попранныхъ-де его болгарскимъ вассаломъ, и „народный царь“ становится ревностнымъ защитникомъ того самаго Берлинскаго договора, который былъ проклятъ на всѣхъ соборахъ и засѣданіяхъ славянскихъ обществъ. Властная рука Александра III вычеркиваетъ Баттенберга изъ списка офицеровъ русской арміи (24-го октября).

Пойдемъ далѣе. Побѣды Болгаръ надъ Сербами снова создали благопріятное настроеніе къ первымъ даже среди рабской русской печати. На первомъ засѣданіи собранія объединенной Болгаріи (2-го іюня 1886 г.) Баттенбергъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, между прочимъ, нѣсколько любезностей царю. Петербургскій кабинетъ отвѣчаетъ подстроеннымъ цанковистами и русскими агентами похищеніемъ князя, котораго заговорщики заставляютъ отречься отъ престола, привозятъ (12-го августа) на русскую границу, въ Рени, и отпускаютъ его на свободу, лишь получивъ по телеграммѣ инструкціи изъ Питера. Баттенбергъ удаляется въ Австрію. Но вся Болгарія поднимается какъ одинъ человѣкъ, образуется временное правительство, и депутаціи со всѣхъ концовъ княжества просятъ Баттенберга вернуться. Тотъ дѣйствительно возвратился, но лишь чтобы подтвердить отреченіе: въ отвѣтъ на подобострастную телеграмму Баттенберга къ Александру III насчетъ „монархическаго принципа“, Его Величество уже успѣлъ послать удивившую всю Европу грубостью депешу, изъ которой видно, что самодержецъ одобряетъ, если не прямо то косвенно, насильственныя дѣйствія заговорщиковъ надъ вѣнценосными особами. Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ примириться съ царемъ, собраніе, созванное регентами, громко апплодировало (3-го сентября) министерской рѣчи, прославлявшей патріо-

тизмъ Баттенберга и требовавшей примѣрнаго наказанія заговорщиковъ.

Безполезно продолжать далѣе этотъ разсказъ о происшествіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, связанныхъ съ политикою Александра III-го: комичное путешествіе Каульбарса по Болгаріи; силистрійскій заговоръ руссофиловъ; избраніе Кобургскаго принца Фердинанда (1887); диктатура беззастѣнчиваго Стамбулова; убійство Бельчева и казнь Паницы (1892 г.); бракъ принца (1893) и измѣненіе конституціи, уничтожающее, между прочимъ, необходимость для наслѣдника принадлежать къ православной религіи, — все это на памяти у каждаго. Понадобятся годы, чтобы возстановить подорванное царемъ вліяніе Россіи въ Болгаріи, и конечно, за подобную политику Александръ III былъ-бы преданъ суду какъ измѣнникъ интересамъ страны, будь онъ конституціоннымъ министромъ...

Западноевропейская политика царя тоже не отличалась ни дальновидностью, ни оригинальностью. Намъ говорятъ о союзѣ съ Франціей. Прежде всего, курсъ этотъ „корма роднаго корабля" взяла, проплававши изрядное время въ водахъ традиціонной политики Романовыхъ: охраненія монархическаго принципа заграницей. Всѣмъ еще памятны царскія здравицы въ честь Франца Іосифа (апрѣль 1883 г.), въ честь Вильгельма I, „старѣйшаго изъ георгіевскихъ кавалеровъ" (декабрь того-же года); скерневицкое свиданіе трехъ императоровъ и трехъ канцлеровъ и пресловутый трактатъ 3-го сентября 1884 г., продиктованный страхомъ предъ динамитомъ,—трактатъ, на которомъ подпись россійскаго царя фигурировала вмѣстѣ съ подписью того самаго Кальноки, что какихъ-нибудь полгода тому назадъ заявилъ австро-венгерскимъ Делегаціямъ: „если Россія аттакуетъ Австрію, эта послѣдняя не будетъ одинока въ борьбѣ"!

Савлы нашей международной политики превратились въ покаянныхъ Павловъ лишь нѣсколько годами позже, и для нихъ эта дорога въ Дамаскъ не была усѣяна розами, а вела черезъ дебри и пустыни финансоваго кризиса и громадныхъ дефицитовъ въ бюджетѣ. Къ этому-же времени буржуазная пресса Франціи настолько успѣла развратить такъ называемое „общественное мнѣніе", что республика шла на встрѣчу самому постыдному союзу, лишь-бы онъ позволялъ играть господствующимъ классамъ въ политику „реванша". Въ іюнѣ 1886 г., Катковъ, который до сего времени авторитетно совѣтовалъ царю „поддерживать съ Германіей дружественныя отношенія, основанныя на исторіи", перемѣняетъ внезапно фронтъ и не менѣе авторитетно приглашаетъ самодержца къ союзу съ Франціей, которая, молъ, что ни говори, а страна богатая и на внутреннія дѣла которой намъ наплевать. За конемъ съ копытомъ тронулся ракъ съ клешней, — презрѣнный Ціонъ, еще такъ недавно обливавшій свободную Францію

самыми грязными помоями. А потомъ пошла писать губернія, всѣ эти Татищевы, Суворины, Нотовичи и прочіе Чичековы и Хлестаковы франко-русскаго союза. Съ конца 1888 года начинается рядъ конверсіонныхъ и иныхъ займовъ, при помощи которыхъ русскіе финансисты облегчили сердце и кошелекъ французовъ на нѣсколько милліардовъ. Дефицитъ въ русскомъ бюджетѣ исчезъ; всѣ чрезвычайные расходы стали покрываться поступленіями отъ реализаціи займовъ: значитъ, ура, Франція! играй марсельезу! — и русскій самодержецъ доставилъ, въ іюлѣ 1891 года, удовольствіе республиканской Франціи, прослушавъ стоя революціонный гимнъ, призывавшій гражданъ къ возстанію противъ тирановъ. Тутъ уже восторгу французской націи, всхолыхнутой банкирами и газетчиками-шантажистами, въ родѣ Канниве, не было предѣловъ, и все это, наконецъ, достойно завершилось новыми займами и тулонско-парижскими празднествами (октябрь 1894 года), доведшими французовъ до прямаго безумія*). Одна женщина такъ даже кинулась съ моста въ Сену, чтобы выразить „любовь къ русскимъ морякамъ", перещеголявъ такимъ образомъ того англійскаго матроса въ извѣстномъ анекдотѣ Гейне, который бросился съ мачты въ море, крича: „ура! я умираю за генерала Джаксона"!

Итакъ, ненормальное положеніе Европы послѣ франко-прусской войны, развитіе шовинизма во Франціи, отчаянное финансовое положеніе Россіи—вотъ какія могущественныя силы увлекали сопротивлявшагося самодержца по пути той пресловутой политики, въ которой оффиціалы и оффиціозы обѣихъ странъ видятъ проявленіе государственной мудрости и миролюбія Александра III.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ особомъ отдѣлѣ русской внѣшней политики, который является мостикомъ между этой политикой и собственно русскими внутренними дѣлами: мы разумѣемъ разгулъ русской тайной полиціи и шпіонства заграницей. Въ противоположность Гамбеттѣ, полагавшему, что „анти-клерикализмъ не есть вывозной товаръ", правительство Александра III пыталось водворить, гдѣ только могло, заграницей свои домашніе политическіе порядки, прибѣгая при помощи своихъ агентовъ къ самой отъявленной уголовщинѣ. Оно охраняло священную собственность тѣмъ, что выпускало третьеотдѣленскихъ соколовъ на грабежъ чужаго имущества, какъ это было имъ продѣлано съ типографіей „Вѣстника Народной Воли" въ Женевѣ, въ 1887 г. Оно поддерживало святыню договора и уваженія къ

*) См. Льва Толстаго, L'esprit chrétien et le patriotisme; Paris, 1894,—книгу, которая, несмотря на слабость своей положительной стороны, заключаетъ въ себѣ неотразимую критику русско-французскаго союза и вообще современнаго патріотизма.

данному слову тѣмъ, что заманивало своихъ враговъ въ ловушку, какъ это имъ было пущено въ ходъ по отношенію къ Луцкому. Оно защищало человѣческую жизнь тѣмъ, что науськивало неопытныхъ революціонеровъ на террористическія попытки, какъ это было поручено Ландейзену, или-же прямо посылало убивать невинныхъ людей и укрывало убійцъ, какъ доказало дѣло пресловутаго барона Штернберга. Эти полицейскія и шпіонскія вакханаліи заграницей дорисовываютъ характеръ внѣшней политики „Миротворца“.

VIII

Я мало распространялся до сихъ поръ о личныхъ качествахъ покойнаго. Но теперь путь детальнаго разсмотрѣнія этого царствованія пройденъ, и передо мной, изъ разныхъ разсыпанныхъ чертъ, слагается образъ этого человѣка, настоящаго кошмара, который, словно страшная „Тѣнь“ Эдгара По, соединяетъ въ себѣ всѣ страданія Россіи, дикіе крики торжества всѣхъ насильниковъ и грабителей, стоны всѣхъ угнетаемыхъ и порабощаемыхъ, слезы всѣхъ сестеръ, женъ и матерей и гордыя проклятія тирану всѣхъ повѣшенныхъ, засѣченныхъ, завѣянныхъ сибирскими вьюгами и закутанныхъ сахалинскими туманами! И что всего ужаснѣе: въ этой леденящей душу Тѣни нѣтъ ничего самого по себѣ ужаснаго. Напротивъ, царь былъ заурядный человѣкъ, лишь упрямѣе средняго. Но судьба сдѣлала его неограниченнымъ повелителемъ сотни милліоновъ живыхъ существъ, въ большинствѣ ничуть не хуже его, а въ значительномъ меньшинствѣ далеко выше его.

Онъ не былъ тираномъ: на это у него не хватало воображенія Калигулы или Ивана Грознаго, и болѣзненный полетъ фантазіи великихъ историческихъ тирановъ былъ чуждъ ему. Но ему были чужды и порывы великихъ историческихъ героевъ, ихъ вѣра въ дѣло, въ себя, въ народъ. Какъ ходульны должны были казаться ему хотя-бы слова Петра I: „а себя ему щадить нечего, была-бы велика и счастлива Россія“. Самое противоставленіе самодержца и Россіи ему казалось, конечно, неправдиво-патетичнымъ. Поколебавшись первые дни, а затѣмъ безхитростно повѣривъ теоріи божественнаго Промысла, раздѣляющаго съ нимъ бразды правленія, царь все время совершенно искренно отождествлялъ себя съ Россіей, какъ онъ ее представлялъ себѣ. Эта

Россія была въ сущности увеличенной или, вѣрнѣе, безконечно-повторенной копіей съ личности самаго Александра III-го. Какъ онъ попросту и безъ фразъ, чисто по-зоологически, отправлялъ свои царскія функціи, такъ и вся Россія должна была исполнять свои: мужикъ обязанъ вносить подати, а не внесъ, ложиться подъ розгу и, получивъ полагающееся по закону количество, снова отправляться на работу для взноса податей; дворянинъ долженъ былъ поставлять царю гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, по-просту и безъ гордости внушая мужику почтеніе къ „твердой власти", потыкавъ его при случаѣ властно но безъ азарту въ лицо; газетчикъ обязанъ былъ изо дня въ день доносить о разныхъ происшествіяхъ дома и заграницей, по возможности безъ разсужденій, а если и разсуждая, то въ направленіи, угодномъ царю и отечеству; и т. д. Созданіе царскаго ограниченнаго ума, вся эта жившая въ его представленіи Россія вполнѣ естественно отождествлялась съ царской персоной: она была счастлива, когда онъ былъ счастливъ; она должна была и во время голода праздновать серебряную царскую свадьбу „съ особымъ умиленіемъ", потому что съ этимъ чувствомъ ее праздновалъ самъ царь, добросовѣстно исполнявшій свой супружескій и родительскій долгъ.

Но горе, если дѣйствительная Россія представляла типы, не подходившіе подъ умственный и нравственный аршинъ царя. Этотъ незлой человѣкъ отстранялъ со всей своей неуклюжей энергіей упрямца новыя и чуждыя явленія, не справляясь съ тѣмъ, не стояли-ли за ними живыя существа, страдающія, негодующія, умирающія; и на этомъ пути доходилъ до возмутительныхъ жестокостей. У него были „добрые голубые глаза", и эти добрые глаза равнодушно смотрѣли на безконечныя вереницы ссылаемыхъ безъ суда*), на длинный рядъ висѣлицъ, воздвигавшихся безпрестанно въ его царствованіе, на якутскую бойню, гдѣ безоружныхъ людей пропарывали солдатскіе штыки, на сѣченье поруганной въ своемъ человѣческомъ и женскомъ достоинствѣ Сигиды, и т. под. У него была „привѣтливая улыбка", и, надо полагать, съ этой улыбкой на лицѣ онъ прочитывалъ возмутительныя сцены изгнанія евреевъ сотнями и тысячами, надругательствъ надъ штундистами. Онъ „всего болѣе любилъ правдивость", и когда Цебрикова, отнюдь не революціонерка, задумала написать ему о томъ, что у него дѣлается въ странѣ, онъ черкнулъ на поляхъ брошюры: „а ей, дурѣ, какое дѣло? Розги что-ли захотѣла?"

Да, дики ему должны были казаться всѣ эти странные люди,

*) Не говоря уже о первыхъ, боевыхъ годахъ, число политическихъ административно-ссыльныхъ превышало ежегодно шестьсотъ (636 человѣкъ въ 1892 г.).

всѣ эти штундисты, всѣ эти Сигиды, всѣ эти революціонеры. Онъ — царь, а развѣ онъ желаетъ отыскивать какой-то особой вѣры: онъ скромно и просто вѣруетъ въ побѣдоносцевскаго бога. Онъ — царь, а развѣ онъ лѣзетъ не въ свои дѣла: онъ не торгуетъ, не пишетъ статей,—кажется, и другіе могли бы заниматься своими личными дѣлами, предоставивъ ему спокойно заниматься своими, т. е. хозяйничаньемъ надъ своей всероссійской вотчиной. А Сигида? Мало того, что принадлежала къ чудовищамъ-революціонерамъ, которые лѣзть не въ свои дѣла ставятъ своей задачей: какое право имѣла она, уже осужденная, противорѣчить поставленнымъ надъ ней властямъ, и какое право имѣла она, высѣченная, отнимать у себя жизнь, т. е. вещь, принадлежащую не ей, а казнѣ, подъ предлогомъ какого-то человѣческаго достоинства: вѣдь тѣлесное наказаніе существуетъ по закону для лишенныхъ правъ, — при чемъ-же тутъ достоинство? Только этой царской психологіей и можно объяснить легкость, съ какой усердные чиновники ставили въ далекой Сибири такія ужасающія трагедіи, каково это сѣченіе женщины, за которое русская революція не свела еще своихъ счетовъ съ виновниками и которое самъ Дурново пытался оправдать передъ корреспондентомъ Times'а тѣмъ якобы, что соціалисты — злѣйшіе враги прогресса въ Россіи...

Къ Александру III болѣе, можетъ быть, чѣмъ къ кому-либо другому, приложимо замѣчательно-глубокое названіе „культурный дикарь", которымъ П. Л. Лавровъ обозначаетъ человѣка, живущаго обычаемъ и традиціей, несмотря на свое положеніе въ современномъ обществѣ, образованіе и пр. Традиція, безхитростное слѣдованіе тому, что было навязано ему прошлымъ, составляетъ основную черту характера Александра III. Онъ еще могъ понимать значеніе и игру интересовъ, — на то онъ и былъ не простымъ, а культурнымъ дикаремъ, т. е. живущимъ въ современномъ обществѣ, основанномъ на борьбѣ личныхъ и классовыхъ интересовъ. Когда ему показалось выгодно, онъ пошелъ на союзъ съ Франціей, вопреки своимъ монархическимъ традиціямъ. Но область личнаго убѣжденія, которое борется съ рутиной и личнымъ интересомъ, была для царя книга съ семью печатями. И вотъ въ чемъ тайна невыносимо-тяжелаго гнета царя надъ Россіей. Онъ упрямо шелъ противъ всего, что жило исторической жизнью, развивалось, мыслило и страдало, и онъ опирался на отживающія культурныя силы, на интересы господствующихъ классовъ, на эгоистическія стремленія отдѣльныхъ личностей.

Въ пріемахъ и орудіяхъ его политики не было ничего новаго. Онъ опирался на дворянство: но дворянство, хотя и слабѣющее экономически, перешло къ нему отъ прошлаго царствованія, и можно было-бы показать, что въ учрежденіи земскихъ начальниковъ у него были нѣкоторые прецеденты, — по крайней мѣрѣ съ

формальной стороны, — утвержденія или назначенія правительствомъ лицъ привиллегированнаго сословія: мировые посредники и, отчасти, крестьянскія по дѣламъ учрежденія. Онъ опирался на купечество: но аппетиты грабителей-толстосумовъ разыгрались еще при Александрѣ II, который весь свой вѣкъ насаждалъ крупный капитализмъ. Онъ опирался на администрацію: но еще въ самомъ пылу реформъ 60-хъ годовъ правительство старалось уже снабдить администрацію всяческими тормозами, чтобы осаживать „черезчуръ быстрый“ ходъ общества по пути къ самоуправленію...

IX

Что представляетъ собой Николай II, трудно сказать съ точностью. Насколько можно разглядѣть сквозь дымъ вѣрноподданническихъ-кадильницъ черты 26-лѣтняго полубога, и новый владыка едва-ли возвышается надъ уровнемъ средняго человѣка. Отъ отца онъ отличается, какъ говорили по крайней мѣрѣ при восшествіи его на престолъ, лишь тѣмъ, что нѣсколько болѣе образованъ, нѣсколько болѣе открытъ вопросамъ современности. Но въ настоящую минуту традиціонныя воззрѣнія придворно-монархической среды уже начинаютъ достаточно опредѣленно сказываться на политикѣ Николая II-го. Во дворцѣ Романовыхъ уже давно не слышно объ антагонизмѣ между „отцами и дѣтьми“, и, стало быть, не можетъ быть радикальнаго отрицанія прошлаго. Дѣйствительно сынъ ежеминутно обѣщаетъ идти по стопамъ „незабвеннаго родителя“. Традиція, этикетъ, все это, очевидно, уже давно внушило новому царю мысль, что онъ физіологически отличается отъ другихъ людей, что его мозгъ работаетъ по иному, по—непогрѣшимому...

Отчего во снѣ намъ снятся самыя невозможныя вещи? Оттого, что у насъ исчезаетъ объективная повѣрка органовъ чувствъ, которая докладываетъ намъ, что кромѣ нашихъ фантазій есть неумолимая дѣйствительность, о которую разбиваются пустыя хотѣнія. Порой само сумасшествіе коренится въ порчѣ этой объективной повѣрки. Во многихъ случаяхъ анестезіи, люди серьезно воображаютъ себя способными летать именно потому, что они буквально „подъ собою ногъ не слышатъ“... по причинѣ паралича. Но въ этомъ-то сонномъ видѣніи, въ этомъ извращеніи чувствъ и сумасшествіи и проходитъ нормальная жизнь самодержца. Всѣ окружающіе стараются извратить нормальную чув-

ствительность императора, увѣрить его, что для него законы естества не писаны. Припомните, что писалъ болѣе полвѣка тому назадъ Брумъ: „Государи, благодаря окружающей ихъ дворцовой атмосферѣ, воспитываются на лжи, приводящей ихъ къ основной фальшѣ; эгоизмъ всей ихъ обстановки закаляетъ ихъ сердце противъ естественныхъ симпатій;... они постепенно вырабатываются въ тирановъ благодаря подчиненности, проявляющейся во всѣхъ умахъ, съ которыми они соприкасаются, и они поощряются къ деспотизму той рабской уступчивостью, которая поддерживаетъ ихъ шаги къ власти и злоупотребленію ею. Какъ вѣрно то, что коршунъ высиживается своей матерью, изъ своего яйца, въ своемъ залитомъ кровью гнѣздѣ, такъ вѣрно и то, что прихлебатель-придворный является во дворцѣ законнымъ воспитателемъ тираніи"*). Пламенный лордъ-плебей хорошо зналъ камарилью Георга III; а наши Дурново, Черевины и Побѣдоносцевы заткнутъ ее далеко по части развращающаго вліянія. . . . Да трудно, ахъ какъ трудно, чтобы Николай II смогъ устоять противъ чудовищныхъ сновъ и „безсмысленныхъ мечтаній" (см. ниже царскія слова), неизбѣжно порождаемыхъ самодержавіемъ!

Возьмите самыя первыя дѣйствія его. Въ манифестѣ о восшествіи онъ потребовалъ отъ народа „безпредѣльной преданности", — обязанности, какъ видите, а не права народнаго. Онъ смѣнилъ Гурко, но написалъ ему такой восторженный аттестатъ, что удивляешься, зачѣмъ-же онъ уволилъ этого преданнаго слугу. Онъ подумывалъ будто-бы отблагодарить Игнатьева, который въ послѣднее время прославился походомъ противъ штунды, но вытащилъ изъ-подъ спуда залежавшійся было за болѣзнію батюшки циркуляръ о преслѣдованіи этой самой штунды. Милютина онъ пригласилъ только разъ на свиданіе, и то чисто формальное; но Ванновскаго превознесъ до небесъ въ рескриптѣ и подарилъ ему 200000 рублей. Въ манифестѣ, изданномъ по случаю своей свадьбы, царь щедро осыпалъ дарами лишь дворянство, а съ мужика сложилъ только тѣ недоимки, которыя народъ и безъ того все равно не могъ-бы заплатить, или-же наградилъ послѣдняго крайне сомнительными милостями**). Онъ поставилъ для льготъ политическимъ такія условія, на которыя ни одинъ порядочный человѣкъ не согласится, а административныхъ ссыльныхъ отдалъ при этомъ на произволъ властей. Онъ забылъ простить, хотя-бы даже отчасти, такъ называемыя „преступленія о печати", забылъ сбавить наказанія пострадавшимъ за вѣру сектантамъ и молча обошелъ вопросъ о лицахъ, подлежавшихъ по приговору волостныхъ судовъ самому возмутительному наказанію: сѣченію.

*) H. Brougham, Historical Sketches of statesmen who flourished in the time of George III; London, 1839.

**) См. подробнѣе объ этомъ, равно какъ и вообще о новомъ царствованіи, въ концѣ № 5-го „Съ родины и на родину".

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такую очень недвусмысленную политику охранительства, много иллюзій продолжало чуть не три мѣсяца порхать на золотыхъ крылышкахъ вокругъ новаго трона. Отъ малодушнаго унынія общество внезапно перешло къ наивному оптимизму, и знаменитая „планида", на которую у насъ возлагаются столь часто самыя радужныя надежды, снова всплыла и стала въ зенитѣ россійскаго небосклона. А между тѣмъ моментъ былъ дѣйствительно рѣшительный. Умираетъ тотъ, кто тринадцать лѣтъ давилъ страну. На престолъ вступаетъ молодой человѣкъ, болѣе доступный впечатлѣніямъ, чѣмъ закоснѣлый въ упражненіи деспотизма самодержецъ. И при томъ положеніе дѣлъ было гораздо лучше съ либеральной точки зрѣнія, чѣмъ послѣ 1 марта: тамъ царя устранялъ со сцены динамитъ, здѣсь неумолимый физіологическій процессъ. Не было, значитъ, никакой неловкости откровенно сказать сыну о всемъ вредѣ, который надѣлалъ для Россіи его отецъ. А что-же мы видимъ?

Возьмите прессу. Та струйка оживленія, которая пробивается въ ней среди вѣрноподданическаго мусора со времени голода 1891-1892 г., при новомъ царѣ течетъ едва-ли не лѣнивѣе и зачастую по подземному руслу. Намъ нечего говорить о „Новомъ Времени" или „Новостяхъ".. Но и изъ чистоплотныхъ органовъ одни, не рѣшаясь похвалить самого прошлаго царствованія, запѣли гимны „кристальной душѣ" покойнаго царя; а другіе обнаружили верхъ гражданскаго мужества тѣмъ, что по возможности молчали о въ бозѣ сошедшемъ со сцены. Самая „смѣлая" статья либеральнаго оттѣнка, напечатанная г. Арсеньевымъ въ „Вѣстникѣ Европы", говоритъ о пользѣ для государства принять во вниманіе и голосъ общества... И замѣтьте, что въ этой короткой формѣ моя фраза бросаетъ невѣрный свѣтъ на характеръ этой статьи, такъ какъ не передаетъ всѣхъ переливовъ, „шопота, робкаго дыханья" почтеннаго либеральнаго журнала. Другой чистоплотный органъ придумалъ тактическій пріемъ еще похитрѣе. Онъ съ особымъ умиленіемъ разработалъ ту мысль, что теперешняя царица—нѣмка и, стало быть, „дочь великаго культурнаго народа": авось, молъ, хоть Ея Величество тронется этимъ и попроситъ супруга дать любезнымъ журналистамъ желанную конституцію...

Что касается до выборныхъ учрежденій, — земствъ и городовъ, — то они вели себя при вступленіи Николая II-го далеко хуже, чѣмъ даже при воцареніи его отца. Изъ безчисленныхъ рабскихъ адресовъ, которые цѣлой лавиной катились со всѣхъ концовъ Россіи къ подножію трона, можно едва-ли найти три или четыре, заключающихъ въ себѣ хоть какіе-нибудь, хоть самые микроскопическіе намеки на либеральную программу. Въ храбрѣйшемъ изъ храбрыхъ адресовъ, составленномъ Тверскимъ губернскимъ земствомъ, самое сильное мѣсто говоритъ объ ожиданіи „воз-

можности права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только представителей администраціи, но и народа русскаго". Тульское губернское земство въ цѣломъ потокѣ какого-то своеобразнаго либерально-богословскаго краснорѣчія распустило слѣдующую крохотную мысль: „мы, люди земскіе, глубоко вѣримъ, что мѣстныя потребности могутъ быть удовлетворены лишь при посредствѣ мѣстныхъ людей, просимъ довѣрія своего Царя, которое необходимо для плодотворнаго служенія родинѣ, просимъ открытаго доступа голосовъ земства къ Престолу". Въ адресѣ Курскаго губернскаго земства преобладаетъ свѣтская риторика, „уповающая" на то, что „земская дѣятельность, подъ охраной довѣрія со стороны Вашего И. Вел., впредь достигнетъ благопріятныхъ условій для своего развитія, укрѣпится и усилится для пользы населенія". Съ адресомъ Уфимскаго губ. земскаго собранія мы уже снова окунаемся въ волны богословскаго пафоса, и надъ всѣмъ этимъ водянистымъ царствомъ метафоръ, „темныхъ тучъ" и „могучихъ солнечныхъ лучей", поднимается единственнымъ островкомъ „смѣлость думать, что голосъ нашъ о нуждахъ народныхъ, о горѣ и радостяхъ найдетъ свободный доступъ къ Вамъ, Государь, а жизнь обожающаго Васъ народа будетъ извѣстна въ истинномъ ея свѣтѣ". Мы не знаемъ пока адреса Воронежскаго земства, который намѣчаетъ якобы довольно опредѣленно рядъ практическихъ задачъ. Но уже и приведенныхъ, и количественно и качественно незначительныхъ заявленій земщины достаточно, чтобы судить о слабости либеральной оппозиціи. У насъ однихъ губернскихъ земствъ тридцать четыре да почти четыреста уѣздныхъ, а изъ нихъ набралось всего четыре, которыя хоть на одну точку продвинулись дальше удушающаго лицемѣрнаго раболѣпія вѣрноподданическихъ адресовъ. А сколько у насъ дворянскихъ собраній, сколько городскихъ думъ, сколько разныхъ ученыхъ и житейскихъ обществъ, адвокатскихъ, профессорскихъ и пр. корпорацій: ни одинъ изъ этихъ органовъ не рѣшился поднять голосъ, чтобы усилить общій хоръ недовольныхъ современнымъ порядкомъ вещей. Съѣхавшіяся въ Петербургъ депутаціи для поздравленія царя съ бракомъ ограничили свое радѣніе о русской землѣ тѣмъ, что буквально забросали Николая II-го всѣми этими складнями, иконами, ларцами, солонками и блюдами. . . . И вотъ 17-го января Его Величество, очевидно прорепетировавшій свою роль съ министрами, твердо вышелъ на средину Николаевской залы и вмѣстѣ исторической сцены въ мундирѣ полковника, и совсѣмъ пополковницки, т. е. властно и не особенно складно, выразилъ августѣйшее неодобреніе „безсмысленнымъ мечтаніямъ" либеральныхъ земцевъ и повелѣлъ „знать всѣмъ" о своемъ незыблемомъ намѣреніи такъ-же „твердо и неуклонно" хозяйничать въ русской землѣ, какъ и „незабвенный родитель".

Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали спасибо,— и, прокричавъ ура, отправились въ Казанскій соборъ служить молебенъ по поводу мудрыхъ словъ, которыя Провидѣніе вложило въ уста царственнаго младенца. Т. е., собственно говоря, изъ 228 присутствовавшихъ депутатовъ ура кричали, какъ ходятъ слухи, только человѣкъ 40, а громадное большинство осталось будто-бы даже и очень недовольно царской рѣчью. Но такъ какъ никакого протеста со стороны его не послѣдовало, то единодушное ура такъ и перешло со столбцевъ „Правительственнаго Вѣстника“ въ исторію. Протестъ раздался въ подпольной либеральной литературѣ: два дня спустя появилось гектографированное „открытое письмо“ къ Николаю II, очень недурно и твердо написанное, но развивающее ту жиденькую мысль, что Николай II-й напрасно ополчился противъ конституціонныхъ замысловъ земцевъ: они, молъ, думали ни о чемъ другомъ, какъ лишь объ ограниченіи бюрократическаго произвола; и самодержавію не пристало-де „отождествлять себя со всемогуществомъ бюрократіи“. Между тѣмъ въ другихъ произведеніяхъ подпольной либеральной литературы вопросъ объ ограниченіи самодержавія именно ставится на первый планъ, — прямо-ли, какъ въ программѣ „Партіи Народнаго Права“ или въ одномъ проектѣ русской конституціи, сочиненномъ, по всей вѣроятности, какимъ-нибудь адвокатомъ или профессоромъ государственнаго права (см. изданія Лондонскаго фонда), косвенно-ли, въ видѣ опроса земщины, какъ проектируетъ это анонимный авторъ „Нашего положенія“, вышедшаго безъ обозначенія мѣста заграницей. Но нѣсколькими подпольными произведеніями и исчерпывается натискъ либеральной оппозиціи на правительство. Явнаго, хотя-бы и очень мирнаго протеста противъ настоящихъ порядковъ не слышно. Говорится пока о разочарованіи, вызванномъ рѣчью Императора: но вольно-же было и очаровываться преждевременно, и принимать мутно-желтый свѣтъ петербургскихъ зимнихъ сумерокъ за „зарю плѣнительнаго счастья“ и яркаго дня свободы!

Гораздо живѣе зрѣлыхъ мужей оппозиціи и либерализма отозвалась на событія учащаяся молодежь. Послѣ смерти царя волна студенческихъ протестовъ прокатилась почти по всѣмъ университетамъ. Въ одесскомъ университетѣ инспекція, принуждая студентовъ подписаться на вѣнокъ Александру III, возбудила противъ себя большинство студенчества, которое и вотировало на сходкѣ противъ посылки вѣнка. Въ кіевскомъ университетѣ вѣнокъ былъ посланъ лишь кучкой студентовъ, состоящей изъ дворянчиковъ да сыновей богатыхъ южно-русскихъ эксплуататоровъ: винокуровъ и сахароваровъ. Въ Москвѣ произошелъ цѣлый рядъ студенческихъ безпорядковъ, главнымъ образомъ связанныхъ съ двумя удивительно-лакейскими рѣчами профессора Ключевскаго (и ты, Брутъ!), произнесенными на смерть царя въ Императорскомъ обществѣ исторіи и въ университетѣ. Особый

характеръ этимъ безпорядкамъ былъ приданъ тѣмъ обстоятельствомъ, что довольно-значительное меньшинство профессоровъ (а именно 42 и съ Ключевскимъ во главѣ) вздумало подать петицію царю, прося за пострадавшихъ студентовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указывая на необходимость нѣкотораго измѣненія устава 1884 г. Припугнутые попечителемъ московскаго округа и министромъ народнаго просвѣщенія, проваленные на университетскомъ совѣтѣ большинствомъ изъ реакціонныхъ профессоровъ, петиціонеры скоро унялись, и 24 изъ нихъ написали покаянныя письма по начальству*). Наконецъ, въ петербургскомъ университетѣ, движеніе, начавшееся еще по случаю смерти Александра III и тоже имѣвшее цѣлью составленіе петиціи, затихло лишь временно. Послѣ словъ новаго царя о самодержавіи оно снова крѣпчаетъ, что бы ни говорила администрація, которая старается выдать теперешнее неспокойное состояніе за простой отголосокъ бунта подкутившихъ студентовъ. Интересно при этомъ то обстоятельство, что „дѣти", которымъ такъ часто доставалось отъ умѣренно-либеральныхъ „отцовъ" за незрѣлость и фантастичность ихъ требованій, поддерживаютъ теперь именно этихъ самыхъ отцовъ, получившихъ отъ правительства репримандъ за „безсмысленныя мечтанія"...

Что касается до соціалистовъ-революціонеровъ, имъ нечего разочаровываться, потому что они и не находились подъ чарами новаго царствованія. Какъ-бы ни была враждебно настроена въ душѣ либеральная часть общества по отношенію къ самодержавію, не эта кабинетная оппозиція, сидящая, пригорюнившись, въ шлафрокѣ и туфляхъ у камелька и мечтающая о правовомъ порядкѣ, будетъ въ состояніи сломить союзъ молодаго, посредственнаго царя, всесильнаго чиновничества и грабящихъ народъ купцовъ и дворянъ. Наша надежда—на идейный энтузіазмъ революціонной интеллигенціи, на пробужденіе сознанія среди народа, среди трудящихся массъ въ городѣ и деревнѣ, на ростъ недовольства среди все болѣе нищающаго и все жесточе угнетаемаго населенія. Не планами конституціи и не сладкими грезами о дарованіи царемъ политической свободы можно свалить современный строй: энергія, организація, революціонная сила, отданная на служеніе революціонному праву,—вотъ нашъ девизъ.

К. Тарасовъ.

---

*) По послѣднимъ извѣстіямъ, на профессоровъ, ведшихъ себя съ достоинствомъ, обрушились всякія кары: четыремъ ординарнымъ профессорамъ былъ данъ начальствомъ строгій выговоръ, а трехъ приватъ-доцентовъ устранили отъ преподаванія, одного-же изъ нихъ, Милюкова, выслали въ Рязань.

